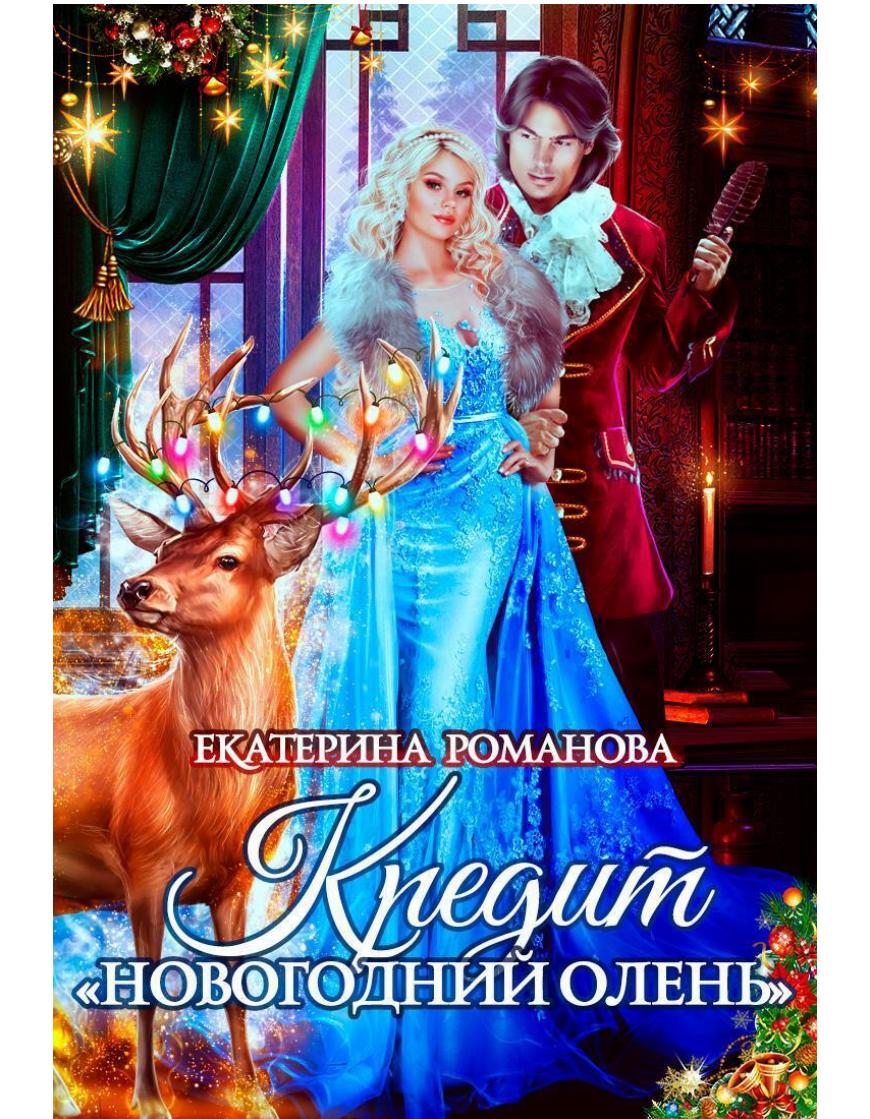

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВА

Кредит
«НОВОГОДНИЙ ОЛЕНЬ»

Екатерина Романова

Кредит «Новогодний олень»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/66194358>

ISBN 978-5-043-65188-4

Аннотация

Отработаешь кредит, говорил он. Будет весело, говорил он! И вот, я в другом мире в эпицентре местной катастрофы, да еще и с лаврами тайной спасительницы мира. Кому верить неизвестно, кругом враги и каждый желает использовать меня в своих целях. Вдобавок, симпатичный комиссар путает мысли. Но, если меня зовут Лена Гордеева, то я найду способ вернуться на Землю, в свое тело, а с оленями, в том числе двуногими, пусть они сами разбираются! Да и мир спасти я не нанималась. Или все же

Екатерина Романова

Кредит

«Новогодний олень»

© Екатерина Романова, 2020 – 2021

© Оформление. Екатерина Романова, 2018

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность. Подобные действия на территориях стран подписавших международные конвенции по авторскому праву влекут административную и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством этих стран

* * *

Вот уже месяц мне снится сон: я гуляю по саду из цветущих магнолий, с неба сыплются розовые лепестки, а навстречу бегут... олени! Большой, с крепкими ветвистыми рогами смотрит на меня внимательно, будто знает, что я взяла кредит его именем, и теперь едва свожу концы с концами. А та, что поменьше, добродушно трусит навстречу и ластится. Я глажу мягкую мордочку, а миндалевидные глаза оленихи закрываются от удовольствия.

Есть в этом сне еще один персонаж: мужчина в камзоле цвета красного вина. Он стоит, прислонившись плечом к дереву и, сложив руки на груди, наблюдает за мной. Высокий, черноволосый, невероятно красивый, будто созданный именно для меня. Но больше всего мне запомнились глаза: льдисто-голубые. Такого цвета бывает первый лед, еще не покрытый сетью трещин и морозным инеем. Когда мы встречаемся взглядом, лед в них тает, рассыпая в радужке серебристые искры.

– Ты пришла, – его низкий с хрипотцой голос обволакивает меня, и олени понимающе трусят прочь, оставляя нас с незнакомцем наедине.

Хочется ответить, но в горле пересохло. Хочется прикоснуться к нему – не могу, ноги как ватные.

Улыбка не частый гость на лице незнакомца, я это твердо знаю, но мне он подарил самую искреннюю из тех, что умел. Подошел сам: медленной, расслабленной поступью, нежно погладил ладонью мою щеку, подбородок, шею, руку, обхва-

тил за талию и по-собственнически вжал в себя.

– Ты... – его дыхание скользнуло по моим губам, а в следующий миг...

Грохот курантов вообще не вовремя!

Я подскочила на диване и швырнула подушкой в телевизор – хорошо, что не долетела. Сердце отбивало кадрили, пальцы дрожали, губы горели, словно их долго и упорно целовали, а в душе было так тепло, что не объяснить словами. Но сколько бы я ни силилась вспомнить лицо незнакомца – не могла! Только злополучные олени, чтоб их на шашлыки пустили!

Ах, да.

Всем привет! Я – Елена Гордеева, и я – бомж. Причем, с завтрашнего дня официально, если верить судебному решению о выселении.

Под бой курантов я в последний раз обвела взглядом трехкомнатную квартиру с видом на центральный парк и запила горе шампанским.

– С новым годом! – кричат с экрана телевизора счастливые физиономии. Еще бы, у них гонорар за передачу как стоимость трех моих квартир! Точнее, не моих, но все равно незаслуженно много и завидно.

А как все начиналось, я ведь должна была сразу понять!

Кредит «Новогодний олень». Надо быть оленем, чтобы не распознать намеков. Небольшая конторка, улыбчивый менеджер, баснословно низкая процентная ставка. Как упомяну-

тое парнокопытное, я безропотно подписала бумаги, не обратив внимания на кучу нюансов. Уже потом, в ходе многочисленных судов, узнала от юристов, что мы с фирмой оценили мою квартиру в новостройке в символические триста тысяч деревянных (на минутку, она обошлась мне в двадцать раз дороже!), поэтому я не только бомж, но и банкрот. Мои счета – арестованы, машина – продана за долги по кредиту. Одно время подумывала продать почку, часть печени и одно легкое, но даже этого не хватит, чтобы покрыть долги, да и кому сдалась печень трудоголика, живущего на допинге из черного кофе.

– С новым годом! – снова проорали в телевизоре, а за окном загрохотали салюты.

– Пять... десять... пятнадцать... – я меланхолично считала, как разрываются на мелкие кусочки чужие зарплаты. Год назад и я радостно смотрела, как превращаются в цветные огоньки пятнадцать тысяч рублей, а теперь... Теперь едва наскребла на бич-пакет и бутылку дешевого шампанского.

Разумеется, узнав о моем несчастье, друзья разбежались, как тараканы от света. Одни на Канары, у других ребенок маленький, гостей нельзя, у третьих планеты не в том зодиаке, у четвертых ремонт в квартире, у пятых абонент не абонент.

Очередной раз выслушала, как вежливая женщина послала меня на сервис голосовых сообщений и швырнула телефон на стол. Спасибо, Аня. Как плакаться на моем плече, что мужик гуляет, так пожалуйста! Как до зарплаты занимать,

так Лена помоги, а как на неделю-другую пожить пустить, так «Оставьте, пожалуйста, сообщение». Оставила тридцать одно. Вряд ли тридцать второе поможет.

А ведь все подруги обязаны мужиками мне! Аньку я познакомила с мужем, он мой бывший однокурсник. Оля тоже нашла свою любовь на вечеринке в честь моего дня рождения. Даже Ирка улетела на Канары с моим бывшим боссом, и, да, опять-таки знакомство через меня. Что я за неудачница? Всем вокруг устраиваю судьбу, а собственную – не получается.

– С но-вым го-дом!

Допила шампанское, выключила телевизор и, накинув на плечи дубленку, поплелась на улицу. Погода стояла теплая и безветренная. С неба лениво опускались пушистые снежинки, оседали на волосах и плечах, припорошивали округу сверкающим покрывалом. На какое-то время я остановилась под фонарем и любовалась искрящимися бриллиантами. Вспомнилось беззаботное детство. Когда кончались деньги – можно было нарисовать еще. И вот несправедливость, в детстве тебе скажут: «молодец, Леночка, какая ты творческая и находчивая!», а взрослых за такое почему-то сажают.

Поймала губами снежинку и, вздохнув, бесцельно побрела вперед. Навстречу через одного попадались Деды Морозы со Снегурочками, все счастливые и сильно навеселе. Чему, спрашивается, радуются? Пропьют зарплату за два дня,

а потом сидят целый месяц на соевых пельменях и сосисках. Окружающим не нравилась моя кислая физиономия, и каждый встречный упорно пытался меня обнять, напоить, накормить, исполнить желание и все такое, поэтому пришлось свернуть на Гиацинтовую, там всегда безлюдно и тихо.

Утопая в жалости к себе и подступающем насморке, незаметно добрела до знакомого места. Места, откуда все началось!

В обшитом вагонкой киоске горел свет. На плакате огромными буквами пестрело предложение: «Оформи кредит „Новогодний олень“ под 6 % годовых, и отправляйся в светлое будущее»! Упряжка упомянутых рогатых с белоснежными улыбками тащила увешанную мишурой тележку куда-то на звездное небо.

О том, что на второй год шесть процентов превращаются в семьдесят два, в предложении ни слова. А светлое будущее никак загробное, потому что платежеспособные граждане с мозгами таких кредитов не берут.

«Место для удара головой», – прочитала ехидную табличку над низкой дверью в окружении разноцветных шариков.

– Для удара рогами, вы хотели сказать, – пробурчала злобно, и открыла двери с ноги.

– С новым годом, с новым счастьем... кхе, кхе, гм.

Молодой паренек закашлялся и заметно побледнел. Можно сказать, мы с этим чудом в мягких оленьих рогах за последние недели сроднились. А заявление в полицию о побо-

ях с его стороны и вовсе вывело наши отношения на новый уровень! Что поделаться, когда у тебя отбирают квартиру, становишься несколько нервной.

– У меня здесь тревожная кнопка, – просипел он, то бледнея, то краснея и снова закашливаясь. – Три минуты, и здесь будет толпа вооруженных мужчин.

– Тридцать первого декабря? – я усмехнулась и нарочито медленно заперла двери komórки изнутри. – Очень сомневаюсь. А, если сюда явится толпа пьяных мужиков и найдет связанного женщиной жулика, они скорее поржут и поиздеваются над тобой, чем помогут.

У Жорика дернулся кадык. Он лихорадочно осмотрелся в поисках подмоги, но... понятное дело, что в такое время подмоги не было. Да и странно, чтобы в новогоднюю ночь кто-то работал! Выдает кредиты на алкоголь и презервативы? Помогает улучшать демографию?

– Елена Сергеевна, вы же...

– Жора, – выдохнула устало. – Вы мошенники, мы все это знаем, поэтому...

– Я бы воздержался от громких заявлений! Свобода договора позволяет...

– Я тебе зубы выбью, – пригрозила вяло и плюхнулась на стул.

– Понял, молчу, – проблеял тщедушный паренек и впился худыми пальцами в столешницу.

– Жор, у тебя квартира есть?

Рыжий паренек с зарослями прыщей на подбородке поерзал на стуле и нехотя кивнул.

– Круто. Отдашь?

Он усмехнулся, но под моим тяжелым взглядом вмиг изобразил невмиручее сочувствие.

– Я не хочу жить на улице. Я не могу жить на улице, понимаешь? Из-за этого дурацкого договора у меня даже машины теперь нет!

А в ней хотя бы можно спать. И есть. И погреться, если денег на бензин хватит. И в пространстве она перемещает отлично, и там можно даже горшок с геранью поставить. Эх, мой родненький Мерседес.

– Елена Сергеевна, я...

Телефонный звонок прервал его речь, в очередной раз наполненную не то состраданием, не то извинениями, не то попыткой объяснить мне юридическим языком, что я олень. Но я и без него это понимала, и даже пару раз щупала голову на предмет рогов, но их, похоже, спилили.

– Мгм... уху... понял. Да. Я передам.

Жорик просиял, как будто купил арбуз, и он оказался спелым.

– Елена Сергеевна, у меня для вас великолепные новости! – объявил он, откладывая в сторону iPhone последней марки. Жулики покупают только лучшее. Жорик выстоит двадцать три часа в очереди за очередным гаджетом, но упадет со страху, если злобно топнуть в его сторону. Он напомина-

ет понарошинских собачек. Маленьких таких, которые много суеются, бегая на лапках-спичках, громко тявкают, а стоит шикнуть на них, бегут, поджав хвост. А ведь как хорохорятся! У Аньки целый выводок таких. От нечего делать она спаривает своих собачек и продает потомство за пятьдесят тысяч деревянных.

– Да что ты, – устало оперлась рукой о стол, и уложила щеку на ладони. В сон клонит. Кругом бабахает, за окном звенят бокалы, трещат бенгальские огни, раздается хохот, а мне спать хочется. И проснуться в каком-нибудь другом мире, где не было этого чертова договора! – А неплохо у тебя тут. Тепло, уютненько. Пожалуй, я поживу какое-то время здесь. Туалет есть?

– Новости! – напомнил он и хлопнул в ладоши, продолжая бесюче улыбаться. – Великолепные!

– Жена на развод подала? Хотя, какая жена с твоей-то физиономией?

– Елена Сергеевна! – обиженно протянул Жорик. – Вы хотите или нет квартиру сохранить?

Хмель как рукой сняло.

– Слушаю.

– Мне звонил начальник моего начальника, – протараторил он и приосанился. – Первый раз за десять лет!

Он поправил галстук, впечатленный звонком. А меня впечатлила математика. Первый раз за десять лет. Серьезно? Или у меня слуховые галлюцинации? Жорику двадцать три,

я это по судам знаю. Не может же он с тринадцати лет людей обманывать! Да люди с таким родом деятельности в принципе недолговечные, а тут поразительная выживаемость!

– Вы ему понравились, и он предложил вам отработать долг!

– Чего-о?

– Нет-нет, вы не о том подумали! – побледнел пацан, вжимаясь в спинку ортопедического кресла. – Никакого интима!

У меня задержался глаз.

– Ну... то есть... по специальности!

– Платье ему свадебное сшить?!

– Не ему. Не совсем. Ну... то есть... работа творческая, и вообще... так хотите или нет?

– Ты по существу.

В углу киоска затарахтел факс. Но это был неправильный факс – с непонятной пластиной сверху, похожей на сенсорный экран, и искрящимся красным кристаллом сбоку.

– По существу все вот здесь... в договоре.

У меня задержался другой глаз. Хватило с меня одного новогоднего оленя, так тут целая упряжка!

– Жора, скажи честно – ты стебешься над моим горем?

– Да что вы, Елена Сергеевна! В этот раз все надежно. По-человечески.

Отличное дополнение. Потому что вариант по-скотски мне совсем не приглянулся.

Я бегло прочитала договор, и не нашла, за что зацепить-

ся. В последние недели юристы знатно поднатаскали меня в праве и по всему выходило, что я получаю квартиру обратно в собственность, если в течение трех лет отработаю долг. В мои обязанности входит выполнение творческой работы, связанной с моим профильным образованием, по усмотрению заказчика, но с соблюдением трудового законодательства. Прочитала договор снова, время от времени прочищая глаза. От выпитого алкоголя русские буквы превращались в непонятные символы и отплясывали на страницах как черти на кладбище.

Вроде как, чисто, никаких роялей в кустах, кроликов в шляпах и, упаси всевышний, оленей. Терпеть не могу оленей!

Кредит «Новогодний олень!», ну это же надо, а. Лена-Лена!

– Вы согласны? Предложение истекает до конца часа.

И что мне терять, когда все потеряно? Про органы в договоре ничего не говорится, а больше у меня ничего и нет. Квартира, машина, счета в банке – ёк. Остались горшок с геранью, пара платьев, да нижнее белье. Остальное распродано.

– Выпить есть?

Мне оперативно сообразили бокал розового шампанского с тарталеткой из красной икры и, выпив для решимости, я поставила росчерк. По договору я получу право жить в своей же квартире безвозмездно, а, значит, как минимум, пере-

стану быть бомжующим оленем, и завтра могу проснуться в постели одна, а не в окружении мужчин с дубинками и наручниками. И я отнюдь не про БДСМ игры.

– Я могу идти домой?

– Конечно, Елена Сергеевна. Но через эту дверь.

– А разница?

Мне на миг показалось, что улыбка Жорика стала загадочно-коварной.

Я посмотрела на одну дверь, на другую и пьяновато хихикнула. На той двери, через которую мне предлагалось выйти, не было плаката с оленем в дурацком красном колпаке и лампочками в рогах.

– А ты мне начинаешь нравиться, Жора.

– Конечно-конечно, – лепетал он, выпроваживая меня. А раньше я тут этой двери не видела. Да и откуда бы ей взяться в малюсеньком киоске, за которым три мусорных бака? И только я хотела спросить, какого лешего он меня на помойку отправляет, как двери распахнулись, и меня выпихнули из киоска едва ли не пинком под зад.

Так вот вам несколько советов.

Первый – внимательно читайте договор. Лучше раз пять. Не понимаете сами – дайте почитать юристу. Лучше заплатить лишнюю тысячу и прослыть недоверчивым пронырой, чем потом остаться бомжующим оленем.

Второе – никогда, нет, не так, НИКОГДА не подписывайте договоры на хмельную голову, иначе можете попасть в ис-

торию похлеще моей!

За спиной хлопнули двери, и разом потеплело, как будто я вошла в прогретое помещение, а не на улицу. Пахло благовониями и немного костром, а еще передо мной стояло огромное нечто в красном шелковом халате.

– Вернулась, сахарная моя?

Я испуганно огляделась на предмет сахарной, но по всему выходило, что обращались ко мне. В комнате, больше напоминающей выставочную залу Эрмитажа, кроме меня и устрашающего вида мужика никого не было. А в мужике устрашало все: от тройного подбородка до трепыхающегося под халатом холодца.

– Это вы мне? – уточнила, прижимаясь спиной к двери. Увы, эта дверь вела куда угодно, но не обратно в вагончик Жорика! Где я? Что он мне налил? С чем были тарталетки?!

Я ущипнула себя за руку – больно. Значит, не сон, во сне не чувствуется боль!

– Играем в недотрогу? – мужик взялся за вязки на халате и от картины, которая вот-вот откроется моему взору, мне стало заранее дурно. В голове шумело, перед глазами расплывались черные круги, к горлу подкатила тошнота. Что со мной?! Где я?!

– Не делайте этого, пожалуйста! У меня не настолько крепкая психика!

В страхе потеряла глаза и ударила себя по щекам – картина становилась все более злобшей: красные портьеры в золо-

тых завитушках, винтажный диван из красного атласа с пошловатой золотой фурнитурой и теми же завитушками, что на портьерах. От обилия красного на стенах и золотого – везде рябило в глазах. Ростовое зеркало в толстенной раме (да-да, золотой) стало последней каплей.

– Дядя, вы кто вообще?

– Ух, какой сладенький ротик! – прорычал мужичок, поигрывая вязками на халате. – Я его сейчас скушаю!

– Вы уж скорее меня целиком проглотите и не поперхнетесь. Мужчина, ведите себя прилично, вы меня пугаете!

– Опа!

Я завизжала и закрыла лицо руками, потому что... ну, как я и говорила – не настолько у меня крепкая психика.

– Дядя, срам прикройте, прошу вас!

Выглянула сквозь пальцы и хмыкнула. Впрочем, с этим великолепно справляется сальный фартук из живота, свисающий почти что до коленок.

– Срам?! – он обиженно хрюкнул, прикрывая пупок. Хотя пупок, если вспомнить уроки анатомии, должен быть выше.

– В вашем случае, прямо говоря, гордиться нечем. Вы бы оделись, пока полиция... не... приехала.

Тут до меня дошло, что полиция не приедет. Ну, во-первых, мы не на улице. А, во-вторых, во сне не всегда бывает так, как захочешь.

– Полиция? – удивленно переспросил мужик, понимая, что сегодня ему не обломится. Он наскоро накинул на пле-

чи халат, постепенно возвращая мне душевное равновесие. Ну, знаете, я дизайнер свадебных платьев, а не пластический хирург. – Мне говорили, что вы – лучшая в своем деле!

– Я-то лучшая, но...

По намаасленному лицу незнакомца расплзлась улыбка. Он сделал шаг вперед и дощатый пол заметно содрогнулся.

– Я буду кричать! – заверила сиплым голосом, вставая в двери, от которых и не отлипала.

– Несомненно, будешь, куколка! От восторга!

Вздернула бровь, не то в ужасе, не то в восхищении. С такой внешностью и такое самомнение – поразительно!

– Вы простите, мне надо... на минуточку, – судорожно улыбнулась, дернула двери и попыталась нырнуть в темноту.

Как бы не так. Я застряла в дверном проеме! К своему ужасу осознала, что стала ничуть не меньше в ширине, чем незнакомый мужик, а потом в голове пронеслись лекции по истории моды. Фижмы! Мою по-прежнему осиную (и резко похудевшую от голода и стресса) талию железными тисками стягивал корсет, а по бокам от бедер торчали фижмы, мешая протиснуться в узкую дверь, за которой – темнота.

Что за...

Не бывает такого! Откуда на мне платье – кошмарный сон модельера?! Как я попала в Эрмитаж? Кто этот страшный мужик? Где Жорик? Где мой олень, в конце-то концов? Оленья хочу!

– Жора! – крикнула в темноту, пытаюсь втиснуться в про-

ем или, скорее, вытиснуться из него. – Жорик! Спасай!

– Сахарная моя, ну, куда же ты так спешишь? Нам с тобой будет очень хорошо! – ворковало двести килограмм позитива за моей спиной.

– Жора!!! – взвизгнула, понимая, что платье зацепилось за резной молдинг и отказывается выпускать меня на волю.

– Елена Сергеевна! Вы же подписали договор, – донеслось из темноты. – Не мешайте переходу, все будет хорошо, вам понравится!

Меня отшвырнуло назад и впечатало в незнакомца. Ну, хоть какой-то плюс в лишнях килограммах – амортизируют удар. Двери, коварно вырвав приличный кусок дорогой ткани из моего платья, чавкнули и захлопнулись.

Тишина.

Мне понравится? Правда? Повернула голову и уперлась взглядом во второй подбородок незнакомца.

– Скажите, но только честно... я где?

– В Опе, – обрадовали меня и поставили на ноги. Хотя, откровенно говоря, колени не держали.

Постойте, он сказал в жо... то есть, там?!

– Я так и знала, – выдохнула, стараясь не поддаваться панике. Но паника была настойчивой и подбиралась к горлу холодными лапами.

– Ну, что же вы? Опа – очень приличное место.

Усмехнулась, глядя на растерянное лицо толстяка. Он так расхваливал свою, прости олень, опу, что даже неловко ста-

ло! Усмехнулась еще раз, еще... прикрыла рот руками, но смех рвался наружу, и вскоре я была бессильна его сдержать. Приличное место опой не назовут!

– А Опа – это... это что вообще такое? – спросила, посмеиваясь в кулак.

– Общество послушников Артекиды, – приосанившись, объявил мужик.

Понятней, в общем, не стало. Я, конечно, пыталась выиграть время, но по всему выходило, что выиграть мне не сулило. Ничего не менялось! То есть, я по-прежнему стояла в наряде стиля рококо, с ужасающими фижмами, которые дико выводили из себя, вокруг меня дурновкусица из красного шелка и дешевой позолоты, а по центру всего этого великолепия упомянутые двести килограмм позитива в красном шелковом халате.

Позитив не переставал улыбаться и играть бровями, отчего его лысина покрывалась толстыми морщинами, как тело шарпея.

– Ну что, моя сахарная? Займемся делом?

Он снова потянулся к поясу халата и шагнул в мою сторону.

– Вот только не надо угрожать! – взвизгнула осипшим голосом.

– Не строй из себя скромняжку! Я слышал, эти ручки волшебные и могут творить такое, что даже самый скромный мужчина не сдержит восторженных стонов. А я далеко не

скромный. Сделай это, сахарная моя! Молю, сними скорее...

Вскинула перед собой руки и перебила:

– Все, пора с этим кончать! Ну, то есть заканчивать! Не переходите границы! Я не собираюсь ничего снимать!

Мужик опешил:

– То есть... то есть как? Я слышал, если не снять – ничего не получится.

– Боюсь, здесь произошла грандиозная ошибка! Вы меня с кем-то перепутали! Я не занимаюсь тем, на что вы так вульгарно намекаете. Даже лишившись квартиры, я такой вариант заработка не рассматривала, а теперь, когда оленю предложили отработку – и подавно. Так что, пардоне муа и все такое, но я на выход.

Надеюсь, в этот раз с выходом проблем не возникнет. А, если что, я бочком.

– То есть, вы не снимете с меня мерки? – донеслось вслед. Я затормозила.

– Пожа-алуйста, – жалобно простонал позитивчик.

– Мерки? – я повернулась и нашла мужика в крайне расстроенном состоянии.

– Для костюма. Ни одна модистка не берется. Я несколько выхожу из принятых обществом стандартов и...

Несколько?! Ну, можно и так сказать. Килограмм на сто выходит.

– Вы же откликнулись! Вы же согласились! Я много заплачу!

Заплачу?! Заплатит? Деньги?! Много?

– Эм... – облизнула разом пересохшие губы и приосанилась. – Сколько?

– Тридцать золотых подойдет?

Золотых? Золотых чего? Слитков? Монет? Пар сережек? Подвесок? А, хотя, какая разница? Золото – универсальное средство обмена. Я свои побрякушки неплохо заложила в ломбарде. Потянули на сто пятнадцать тысяч, но хватило только на часть неустойки по кредиту.

Золото – это хорошо и его можно сдать в ломбард.

– Сорок, – заявила с кирпичным лицом.

– Если получится так, как о вас говорят – пятьдесят заплачу.

Обалдеть! И почему мне раньше не снились такие сны?

С энтузиазмом слона, я взялась за грязное дело.

До свадебных платьев, я много чего перепробовала. Шила униформу госслужащим, работала в обычном ателье, даже обшивала ролевиков, но в итоге поняла, что обыденность – не мое. Создавать уникальные наряды, превращать золушек в принцесс – вот что действительно приносит радость!

Позитивчик на принцессу не тянул, но доставить радость такому клиенту – особый вызов.

Эстьен, так зовут моего воображаемого клиента, оказался на удивление контактным мужичком. Уже через три минуты я задорно хохотала над его тупыми шутками, и даже не реагировала на угрозы съесть мой сладкий ротик. Звучит жут-

ко, но пятьдесят золотых! Да за такую сумму я пошью ему с десяток великолепных костюмов, и пусть он ест на здоровье мои сахарные пальчики! Метафорически, разумеется. А, пока я занималась делом, Эстьен навернул пять кексов с изюмом, три безе и две зефирки. Он бы и больше съел, но я тонко намекнула, что много сладкого вредно для здоровья.

– Я думаю, выберем красный шелк! – неожиданно сменил тему Позитивчик, безжалостно выкидывая зефир куда-то позади себя. Лакомство плюхнулось на голову голозатого малыша, удерживающего в руках большой светящийся шар. Ягеля мне в рот! А ведь шар висел в нескольких сантиметрах над мраморными ручками, крутился и источал мягкое серебристое сияние. Это что за технология такая?! – Патока моих глаз!

Я моргнула несколько раз, но видение не исчезло. Постойте, патока моих глаз? Это как?

– Красный атлас? – Эстьен поиграл бровями, запахивая халат. – А для застежек выберем крючки! Такие золотые!

Думаю, для застежки куда лучше подойдет амбарный замок! Или, на худой конец, шпингалеты! Такое богатство простыми крючками не удержишь.

– Желание клиента – закон, – заверила, отточенным движением сворачивая привычную мерную ленту. – Но я бы посоветовала аксамит.

Эстьен придиричиво рассматривал себя в зеркало, кружил, поигрывал бровями и посылал себе воздушные поцелуи.

– Учитывая, особенности вашей фигуры, необходимо... эм... подчеркнуть достоинства! – ответила дипломатично, вспомнив про гонорар.

Клиент довольно похлопал себя по животу, а потом во-друзил ладонище на мое хрупкое плечико. От дружелюбного жеста я едва не осела на пол.

– Я вверяю себя вам. От макушки до пяточек! – торжественно возвестили мне, а потом...

Опущу сцену обнимания, лобызания и заверения в любви, потому что из цензурного только знаки и междометия. Это были самые долгие пять минут в моей жизни, но за них я услышала столько «сладеньких» комплиментов, что у меня вполне возможно слиплось. Даже Ромка (печальное пятно в моей биографии), Эстьену не чета!

Эх, Ромка, Ромка! А ведь у нас так хорошо начиналось! Но в один совсем не прекрасный день я застала его перед зеркалом в женском платье. И ладно бы в платье любовницы! В тот вечер я смогла объяснить Роме, что тайком носить женские вещи это, блин, неправильно и вообще «фу», на что Рома демонстративно порвал свой паспорт, заявил, что отныне он Рима, забрал мои любимые туфли и ушел, громко хлопнув дверью. Печально, но я хотя бы поняла, куда пропали мои кружевные стринги, бюстгалтеры и помада.

В общем, пока Эстьен от широты туши, в смысле, души, благодарил меня за еще не оказанную честь, я вспомнила самые яркие события уходящего года. В завершение не хвата-

ло новогоднего салюта и ржущего Жорика. У меня к нему отдельный разговор! Серьезный такой разговор! И не уверена, что после него он уйдет на своих двоих.

Наконец, выскользнув из удушающих объятий, и позволив вызвать себе лошабиль (за счет клиента, разумеется), я раскланялась и метнулась к двери (фижмы!). Попытка номер два: бочком, бочком, не забывая улыбаться клиенту.

Только за моей спиной захлопнулись двери, я крикнула: – Ну, Жора, ну ты у меня... а где Жора? – обратилась к серебристым пуговицам на фраке высокого дяди с усами. Настолько высокого, что пришлось поднять подбородок, чтобы оценить его рост. Кажется, в моем сне передозировка людей на квадратный метр.

– Прошу прощения, мадемуазель. Возможно, вы ищете Жоржетту, нашу экономку? – но, прочитав замешательство на моем лице, дядя подкинул еще идей: – Или Жорину – нашу повариху? Анжора – конюха? Жоп...

– Хватит, – остановила поток чужого сознания, чувствуя, как от лица отхлынула кровь. – Я в Опе, да? В настоящей Опе? – сглотнула, ощупывая холодеющими пальцами оборки на подоле платья.

– Самом что ни на есть настоящим! – с гордостью объявил дядя, погладив седые усы. Он напоминал тараканище из детской сказки, только худого, как богомол.

Этого не может быть! Такого не бывает. Я, наверное, напилась с горя, и теперь мне снится бредовый сон, в котором

я попала в прошлое с французским оттенком. Я скорее поверю, что Рима снова решила стать Ромой, чем все происходит взаправду! Одно дело поиграться с придуманными героями, это можно, если скоро просыпаться, а другое дело, когда это взаправду! Мне ведь снился тот странный сон с оленями, может, это его продолжение?

«Не мешайте переходу!» – всплыли в памяти слова Жорика. Переходу в иной мир? Или от Опы обыкновенной в оленью опу? Потому что, откровенно говоря, на последнюю очень похоже.

– Мамочки, – пискнула в ужасе. Пол под ногами качнулся, стены зашевелились, а дядя с усами начал менять размеры. Сердце полоснуло тревогой.

– Мадемуазель, с вами все хорошо? – забеспокоился тараканище. – Мадемуазель... мад... Жо... скорей... юда...

Забутье! Блаженное, тихое, мирное, а главное – лишенное кредитов и оленей! Хотя, один олень вскоре появится на горизонте, но пока его нет и можно отдохнуть.

– Траяна! – донеслось сквозь сон. – Траяна!!! Хватит симулировать, ты паршивая актриса.

Голос становился настойчивей. Девушка не планировала умолкать, и мешала мне восстанавливать нервные клетки. К тому же, ее сбивчивая речь на незнакомом, но понятном языке, помогала успокоиться как скрежет ногтей по стеклу.

Мой бред не прошел! Он крепчал, обрастал новыми красками и, о боже, узнаваемыми чертами.

Я не попала! Ну не попала я, ведь правда?

– Траяна, забодай тебя олень! – прошипела девушка и со всей силы ущипнула меня за лодыжку.

Я ойкнула и подскочила, обнаружив себя в ворохе перин, одеял и безвкусовых пестрых тканей. Хотя, ткани ли винюваты, что их хозяин напрочь лишен вкуса и собрал вместе алый, бордовый и черный атлас с ярко-желтыми вставками гипюра? Я бы еще поняла, будь это склад тканей, но я отдыхала на черных простынях в обжитой спальне! Черных!

Кажется, все-таки попала! В ад модельера.

– Ну, нет!

Хотя, судя по окружающей обстановке, выходило, что «ну, да!»

Красные гобеленовые портьеры с золотыми ламбрекенами, отороченные густой бахромой не могли мне сниться! Разве что это страшный сон и за гардиной прячется Сережа Зверев с его коронной фразой «звезда в шоке». Я, конечно, не звезда, но я в шоке. Безжалостный кусок плотной ткани не намекал, он кричал, что я попала, причем капитально.

Что мне известно о попаданках? О них пишут романы, которые кончаются свадьбой. Перед этим бедных российских девчонок перемалывают в жерновах сюжета, на них набрасываются рояли из кустов, но властный мачо обязательно спасает из любых передрыг и вытаскивает из ОПЫ разной степени тяжести. О попаданках я знаю много по книгам Звездной и Жильцовой. Их Ромка притаскивал, да и я втянулась,

почитывая после работы о приключениях наших в сказочных мирах с единорогами, эльфами и мускулистыми мачо. Но одно дело книги, другое – жизнь. Я ведь не сумасшедшая. Не сумасшедшая сказала!

Демонстрируя обратное, кинулась к окну, откинула портьеру и уткнулась носом в холодное витражное стекло. Я надеялась увидеть знакомые пейзажи, или хотя бы огни съёмочного павильона, но за окнами царила зима.

Безнадёжно чужая, и разноцветные осколки витража, искажающие картинку ни при чем.

Чужая зима искрилась жемчужно-розовым снегом, похожим на ворох яблоневых лепестков. Дети играли с ним, кидались, лепили оленей! И все это голыми руками, без шапок, с легкими шарфиками поверх карнавальных нарядов. Карнавальных-карнавальных! Потому что маленькие девочки щеголяли фижмами (какой идиот их только придумал?!) и пестрыми платьями-колокольчиками, а парни бегали в белоснежных лосинах с приталенными камзолами и сюртуками. Я молчу о том, что леди с лебедиными шеями и умиротворенными лицами топтали снег, не замечая холода. На плечи некоторых небрежно накинуты меховые платки, а иные и вообще прогуливались без ничего. В смысле, с голыми плечами!

Тут, говорится, или лыжи не едут, или я...

Ну, нет!

Зажмурилась и тряхнула головой. Картинка не изменилась!

С высоты примерно третьего этажа открывался захватывающий вид на незнакомые пейзажи. Пушистые розовые лепестки одевали округу в искрящиеся шапки и полушубки. Из заснеженных крыш низких домиков торчали черные пеньки труб, кадящие сизым дымом. Припорошенные участки улыбались яркими головками цветов: подсолнухов, георгинов, пионов или чем-то на них похожих. По ощущениям я любовалась облагороженным коттеджным поселком с чистыми мощеными улочками, детскими площадками и мини-скверами. Чувствуется, что местные градостроители не утруждали себя творческим подходом к делу. Разделили участки на ровные клетки и засеяли частными домами. Одинаковые дома стояли ровными рядочками, а равные участки прямо квинтэссенция социалистических ценностей: свобода, равенство, братство и все такое.

Зато вдаль за высоким забором из плотного кустарника начиналась другая жизнь, не ведающая социализма. Сельское спокойствие Опы сменялось городской суетой. Только вместо автомобилей сновали повозки и кареты разных форм и размеров, запряженные лошадьми (пресловутый лошабиль?!), осликами и несуществующими животными (я уверена, что генетики еще не скрестили льва и орла, но он тут был!). В небо нет-нет и взмывали огромные птицы с котомками в лапах. Они срывались с крыш высоких домов, расчерчивая небесную лазурь известными только им воздушными трассами. Маленьких домиков за забором уже не ютилось,

зато теснились высокие холеные сооружения, щедро сдобренные колоннами, лепниной и статуями мифических животных. Меня поражало буйство красок в оформлении зданий: от терракотового до изумрудно-зеленого.

Ладно. С этим все ясно.

Отошла от окна и наткнулась на внимательный взгляд рыжеволосой девушки. Она нервно дергала уголками губ, пытаясь улыбнуться, заправляла дрожащими пальцами кудрявые локоны за уши, бессмысленно теребила кремовое кружево на лифе платья. Руки ей явно мешали, а еще ноги, которые не могли найти себе места и переминались, переминались, переминались...

– Он тебя обидел? Догадался о чем-то? – спросила она.

– Пончик? В смысле, Эстьен? Нет...

Попаданка... Обалдеть же!

Я хотела обдумать эту мысль подробнее, погрузиться в эмоциональную пучину жалости к себе, удивления, шока и всего такого прочего, но меня привлек странный силуэт платья незнакомки. Фижмы фижмами, чтоб их, но ткань ее юбки топорщилась, скрывая непривычный для конструкции подол предмет.

– Что там у тебя? – решила, раз уж мне тыкают, я могу тыкать в ответ.

– Траяна, не глупи. Мы же договаривались, пока ты обхаживаешь хряка, я обхаживаю его дом, – многозначительно произнесла она, приподняв подол платья. – Взаимовыгодное

сотрудничество. Ты ведь не хочешь, чтобы Ларош пострадал!

Ну ничего себе дермантинчик! Она обчистила моего клиента и решила умыкнуть награбленное, привязав ремешками к ногам.

– Ты... как... немедленно верни!

Кстати, а почему этот вариант не приходил мне в голову? Соблазнила инкассатора, раскрутила на разбойное нападение, прикарманили пару сумочек и вперед в закат! Никаких тебе долгов и кредитов. Но тут вспоминается песенка про небо в клеточку, и жизнь в полосочку и ценность варианта снижается. Хотя, так ли плохо на государственном обеспечении, с крышей над головой, культурно-массовой программой и с доставкой еды в камеру?

Девушка резко опустила подол и вздернула подбородок.

– Да что с тобой происходит?! Тебя словно подменили! Подменили! А меня подменили?!

В углу комнаты оказалось безвкусное зеркало в мощной золотой оправе, и я заглядывала в него с опаской. Наверняка судьба хорошенько надо мной поглумилась и сунула в какое-нибудь отвратительное тело. Лишние килограммы далеко не самое страшное, их хотя бы скинуть можно. А попробуй скинуть горбатый нос или выправить косоглазие? А что, если мое лицо усыпано прыщами?! Ладно, открою глаза и будь, что будет!

– Хм! – склонила голову, рассматривая себя со всех сто-

рон. – Мгм... – повернулась задом, заглянула через плечо и зависла. – Хм!

И это все – мое?!

Из зеркала смотрела, похлопывая длинными ресницами, Мерлин Монро. Ладно, может и не Монро, но ее дальняя родственница – точно. Томный взгляд, раскосый разрез голубых глаз, высокая линия скул, пухлые губы, не тронутые силиконом (он тут вообще есть?) – все как надо, глаз не оторвать! А фигурка – полный отпад! Сверху много, в талии – мало, снизу – как надо. Белоснежные кудри убраны в высокую прическу и нашпигованы всякой всячиной с перьями, бусинами и заколками, но к гадалке не ходи – волосы у дамочки шикарные и, как минимум, до талии. Если это сон – пусть длится дольше! Я и в обычной жизни не дурнушка, но в зеркале совсем уж красавица, не удивительно, что Эстьен делал недвусмысленные намеки.

– Траяна, если ты налюбовалась собой, может, пойдем уже? Я помогу с корсетом.

И правда не помешает. Нижнее платье и кружевные панталоны с разрезом в интересном месте порядком напрягали. Девушка, подхватив с кресла верхнее платье и корсет, угрожающе двинулась в мою сторону. Перед глазами проплыли лекции по истории костюма и картинка одна страшней другой. За ширмой расшитого бисером и золотыми нитями корсета скрывался коварный китовый ус и безжалостные стальные пластины. В итоге, ни вздохнуть, ни п... повернуться,

скажем так, в таком наряде не получится. Только улыбаться с видом газели, проглотившей палку, и отряжать взволнованные вздохи. Будешь тут вздыхать, когда легкие сжаты металлическими тисками. Ох уж это дремучее рококо с его зверскими костюмами!

И, если я стерпела пристегивание ненавистных фижм, то от корсета отшатнулась как от кобры.

– Скажите честно, вас Жора послал? Вы кто вообще? И что за грим такой? Зачем он нужен?

Оставалась слабенькая надежда, что все же...

Девушка остановилась и заломила бровь.

– Трай, ты чего несешь? Ты головой ударилась, когда упала?

Память ничего такого не подтвердила. Да, обморок у меня случился, но это от тесного корсета с непривычки, и от сильного переживания. Если меня снова засунут в это пыточное приспособление, опять начнется сильное переживание.

– Подожди, у тебя снова приступ? Головой приложилась?

– Совсем не прикладывалась. Хотя, смотрю на это, и возникают сомнения...

Особенно желтый диван вызывает сомнения в моей адекватности. Кто в здравом уме поставит желтый диван в спальню с черными простынями?!

– Я... где? В психушке, да?

Не хотелось признавать, но, кажется, подстава с кредитом ударила по мне сильнее, чем думалось. Не стоило злоупо-

треблять успокоительным, да еще и с алкоголем смешивала. Помнится, я давала вам два совета, так вот третий – никогда-никогда не мешайте лекарства с алкоголем, чтоб не получилось как со мной.

– Пси... где?

Девушка побледнела. Наряд выпал из ее дрожащих рук, а из-под юбки вывалился серебряный канделябр.

– Не-ет, – в ужасе протянула она, глядя на меня как на привидение. Догадалась что ли?

– Да, – ответила виновато и подняла с пола корсет.

А интересные у них тут ткани! Что за технология такая? Золотистые нити вплетены в структуру основного волокна и на обратной стороне ни намек на черновые стежки.

– Нет! – выпалила девушка со злостью и звякнула честно награбленным под юбками.

– Да, – ответила настойчиво, оторвавшись от изучения местного текстиля.

– Нет, – она плюхнулась в кресло, глядя на меня как на смертельно больную. – Хотя, подожди...

Она встрепенулась, а в карих глазах мелькнула чертовщинка. Я-то подожду, и моя шизофрения тоже.

– Подожди-подожди! Как тебя зовут?

С языка едва не сорвалось привычное имя, но взгляд у девицы стал уж больно загадочным. Я ущипнула себя, снова проверяя на сон, но это не помогло. Сознание отказывалось верить в происходящее и требовало логического объяс-

нения!

– Лена Олене... эм, Гордеева, – выдохнула устало, в надежде, что это рыжеволосое чудо сможет прояснить ситуацию.

– Забодай меня олень! – радостно воскликнула незнакомка, потрясая меня резкой сменой эмоциональных состояний. Мое попаданство ее больше не удручало, а наоборот, она как будто в лотерею миллион выиграла. А она поняла, что я попаданка, или думает, что я умом тронулась?

– Так вот, ягеля мне в рот, – развела руками.

Наверное, пора заканчивать с этой оленьей темой.

– Наконец-то у нас получилось!

Девушка вспорхнула с кресла, растеряв часть награбленного богатства, и кружилась вокруг меня яркой бабочкой.

– Невероятно! Ты – Траяна! Вылитая Траяна!

– Но при этом я Лена Гордеева. И мне не нравится светить ягодицами. Может, оденемся уже?

– Конечно-конечно! – она с воодушевлением подхватила корсет и принялась за дело, повизгивая от восторга, как маленький ребенок, получивший эскимо. – Я все тебе расскажу, объясню! Как же замечательно, как замечательно!

Она причитала, пока издевалась над моим телом. Колонна от кровати трещала – так сильно я сжимала ее ладонями, чтобы не свалиться при стягивании корсета. На дамочек, разодетых в шикарные шелковые платья приятно смотреть: нежные силуэты, изящные линии, воздушные образы, но об-

ратная сторона красоты – муки! Чтобы зашнуровать корсет дамам прошлого приходилось крепко держаться за кровать, а их помощницам, порой, упираться ногами, чтобы как следует затянуть ленты. В университете я столкнулась с этим изуверством на новогоднем бале-маскараде, но никогда бы не подумала, что стану жертвой моды.

– Уй!

Ребра недовольно хрустнули, а из легких вышибло последний воздух.

– Вы меня убить решили? Скажите честно, если так, я хотя бы буду сопротивляться!

– Ну что ты, Траяна! Поверь, я последняя, кто желает тебе смерти. Ты – слишком ценный экземпляр...

Экземпляр? Я – экземпляр? Надо мной что, эксперименты будут ставить? Нормального человека не называют таким нехорошим словом.

– Но мы должны торопиться, пока тебя не поймали ищейки из КпПЗ.

– Кпз?!

Боль ушла на второй план. Камера предварительного заключения? Я не хочу туда! Я не могу туда! Что я вообще сделала?

– Комитет по защите пришлых. Они делают вид, словно охраняют таких как ты от несуществующих угроз, а на деле все, кто туда попадает – пропадают без следа. Не думаю, что ты хочешь повторить судьбу своих предшественников.

– Точно не хочу. Ай-яй!

Но рыжеволосой издевательнице я тоже не верю. Слишком кровожадно сверкают ее глаза. Так собака смотрит на сахарную косточку в руках хозяина: сожрать бы, да не дотянуться.

– Почти закончила. Поспешим!

Нижняя юбка из кремового шелка в цветочек, верхнее платье из парчи, расшитый драгоценными камнями и нежным кружевом стомак на грудь – образ готов! Платье сидело идеально, не считая идиотски широких бедер. Для создателя фижм в аду уготовано отдельное место и что-то я не наблюдаю на платье ленточки, которая сворачивает конструкцию. В таком виде двери для меня почти непреодолимое препятствие. А карета? Ну, то есть, лошабиль?! Как туда забираться с негнушимся корсетом и полуметровыми фижмами по бокам? Единственное, что мне понравилось, это узкие рукава три четверти, украшенные многослойными воланами.

Пока я любовалась собой, незнакомка выглянула в окно.

– Твою ж Артехиду! Они уже здесь... Так! – девушка плотно задернула портьеры и лихорадочно поднимала с пола награбленное. – Пока оставайся здесь, если кто-то придет с расспросами, скажешь, что у тебя недомогание. Никто не станет допрашивать знатную женщину в дурном состоянии.

– А я знатная женщина?

– Маркиза Траяна де Бриенн, конечно ты знатная женщина, еще какая знатная! С безупречной репутацией, постарай-

ся ее не запятнать!

Маркиза с безупречной репутацией водит дружбу с воровками и лежит с дыркой на заднице в доме неженатого мужчины? Что-то сомнительно... Но я предусмотрительно промолчала. Что я вообще понимаю в новом мире? Для начала нужно смириться с тем, что я вообще здесь, и Жора уже не придет.

– Поняла меня?

– Поняла.

– Жди. И никуда не выходи! Если придет маркиз Эстьен, скажешь, что плохо себя чувствуешь, ломиться он не станет.

Послушно кивала, вынашивая план побега. Не нравится мне эта рыжеволосая бестия. Вылитая Аня, предавшая в самый ответственный момент!

– Кстати, где деньги?

Хороший вопрос! Я сунула их в кармашек муфты, но сейчас ее не наблюдаю.

– Аванса не дали, – соврала, не моргнув глазом.

– Как не дали?

– Можешь спросить Этьена. Такой жадный – жуть!

Девушка недовольно фыркнула и еще раз потребовала оставаться в комнате. Заверив воровку, что никуда не денусь, я заперла за ней двери и сосчитала до двадцати. Когда стук каблучков затих, я постояла еще немного и выглянула в коридор.

– Непросто тебе придется, Ленка, – пробурчала под нос,

обнаружив за дверью убийственное для психики модельера буйство красок. Впрочем, пусть это останется на совести дизайнера, а мне нужно унести отсюда ноги и где-нибудь отсидеться. Если маркиза де Бурбон или как ее там и вправду маркиза, у нее должен быть дворец. Или особняк. Домик, на худой конец.

Ну, пошли!

При мысли о доме мне взгрустнулось с новой силой. Что я за олень? Прочитай я договор глазами, а не тем местом, каким я его читала, и сейчас готовилась бы к празднику в кругу друзей. Друзей! Горечь предательства неприятно жала сердце, но я решительно отбросила уныние. Жизнь подкинула мне свинью, так не зажарить ли ее на вертеле? Пора вспомнить, что я Лена Гордеева! И не количество квадратных метров определяет человека, а его ум, жизненный настрой и умение преодолевать трудности! Вот как возьму, как преодолею трудности!

Без денег-то?

Вспомнила об этом досадном факте и вернулась в комнату в поисках муфты. К счастью, последняя отыскалась под кроватью и надежно сохранила предоплату за заказ. Умолчу, каких сил мне стоило ее достать в таком наряде, но оно того стоило! Детектор приключений подсказывал, что золотые мне еще пригодятся. Деньги открывают закрытые двери, даже если эти двери ведут в другой мир. Сначала осмотрюсь и, если мне здесь не понравится, найду дорогу домой. Посчи-

таю это внеплановым отпуском.

На этой оптимистичной ноте я вышла, вернее сказать, выбралась из комнаты, но не знала, как себя вести. Если принять, что я в другом мире, и меня ищут правоохранители для отправки в КПЗ, по всему получается, что лучше не выделяться.

Так что делать? Всем улыбаться и здороваться? Нет, я, вроде как, целая маркиза. Много это или мало не помню, из знакомых мне Маркиз на Земле – только соседская кошка со скверным характером.

Прикинуться тугоухой и близорукой? Тоже не вариант. Местная маркиза, похоже, знаменитость. Если ее не каждая собака знает, то через одну – точно. В итоге я решила сделать вид несколько глуповатый и рассеянный, а при появлении подозрительных личностей любоваться бахромой, муфточкой или картинами. Вон их сколько по стенам развешано! То портрет Этьена, то некоей женщины с двумя оленями.

К слову об оленях.

У одной картины я все же остановилась и, забыв о своей нелюбви к рогатым, залюбовалась. Красота женщины была одновременно простой и недостижимой. Она как мама – кажется совершенной и при этом родной, любящей, теплой, настоящей, но способной прописать ремня. Она обнимала двух оленей, которые доверчиво жались к ней. Казалось бы, обычная картина в стиле древнегреческой мифологии, но от нее веяло любовью. У меня волосы на коже встали дыбом.

– Это древнее изображение богини Артекиды, – раздался за спиной женский голос.

Ко мне обратилась приятная женщина, с забранными в пучок волосами. Вместо помпезного платья на ней был скромный балахон послушницы. У сердца серебристыми нитями вышит знак – оленьим рога, обнимающие алое сердце.

– А как считаете вы, маркиза? Была ли у нашего оленя пара или это домыслы?

Чарующий голос женщины, пропитанный нежностью и грустью, обволакивал мое сознание. Я снова повернулась к картине, понимая, что это местная икона.

– Думаю, у каждого должна быть пара. Даже олень заслуживает, чтоб его любили...

И наличие рогов не противопоказание. Он же не виноват, что его создали оленем.

– Это так, – с улыбкой произнесла женщина и нарисовала ладонями сердце. – Ступай с любовью, девочка. Твой путь сложен и тернист, но его нужно пройти. Это часть взросления. Соедини собственное сердце, тогда спасешь всех.

Я на миг залюбовалась картиной, а когда повернула голову, чтобы спросить у женщины, что она имела в виду, ее уже не было. Сердце набрало скорость, но я приказала себе успокоиться. Если это другой мир (звучит бредово, но, блин, что это может быть еще?!), здесь существует магия. Они поклоняются какому-то оленю и оленеводу по имени Артекида. Ладно, кто я, чтобы менять местные стереотипы и легенды.

Пойду с любовью и постараюсь не вляпаться в неприятности. Главное добраться до дома маркизы, а там в тишине и спокойствии разберусь, что произошло. Может, девица увлекалась магией, и я отыщу какие-нибудь записи и уже вечером вернусь в свою квартиру.

Раз этаж примерно третий, логично, что мне вниз. Обнаружила в поле зрения лестницу и направилась к ней. Глядишь, не лабиринт минотавра, найду выход без нити Артеиды. Ну, то есть, как ее там... Ариадны!

На приветствия горничных отвечала сдержанной улыбкой, и вот оставался последний лестничный пролет, как дорогу заслонила крупная фигура уже знакомого мне дворецкого. Да, того самого – с седыми усами и похожего на тараканище. Только в этот раз я рассмотрела его лучше: профессиональное выражение лица (индифферентное донельзя), расслабленная поза, черный смокинг с белой рубашкой, скрещенные в области гениталий ладони. Подобострастности, полагающейся его статусу при виде моего статуса – ни на йоту.

– Маркиза?

– Да, – ответила испуганно. Нет, не то. Подбородок поднять, взгляд надменный, как у владычицы морской. Дворецкий побледнел, значит, с надменностью переборщила, немного убавим. – Да.

– Вы уже встали?

Нет, все еще лежу, разве не заметно?

– Да.

Дворецкий, не меняя позы, подался вперед и склонил голову – чего-то ждал. Чего? Думай, Лена, думай! Чаевых? Вряд ли... А чего тогда?

– Мне нужно по делам, поэтому передайте привет... – глаза дворецкого округлились. Ну, какой привет?! Миленько улыбнулась и мотнула головой, – передайте приветствие маркизу и рассыпьте от меня в благодарностях. Стены вашей обители сделали меня такой здоровой, что я уже чувствую достаточно сил отправиться по делам. То есть, домой. То есть, на работу. В общем... вот.

Уф! Выдохнула, оценивая произведенный эффект. Кто бы мог подумать, что современную речь так сложно перестроить на заковыристый высокопарный язык.

– Но как же обед? Я сообщу маркизу, что вам лучше...

– Не стоит, я не голодна. Вы бы распорядились на счет этого... как его там? – я растерла виски, старательно изображая недомогание. Вот ведь старческий маразм не к возрасту одолел! – Лошадь, карета...

– Лошабиль? Конечно, маркиза, я распоряжусь. Будет ждать у главного входа. Вы же знаете, на территории обители запрещено эксплуатировать животных.

– Разумеется, – сдержанно улыбнулась, не в силах дождаться, когда дворецкий местного филиала Гринписа, наконец, покончит с любезностями и уберется восвояси.

– Кстати, раз уж вы все никак не уходите, не подскажите,

в какой стороне выход?

– Я вас провожу...

– Право же, не стоит! – кажется, так общались тургеневские барышни. – У вас и без меня полно дел. Я спешу, правда. Совершенно выбилась из графика.

– Как вам будет угодно. Спуститесь по центральной лестнице и прямо через анфиладу.

– Замечательно. Всего доброго.

Тараканище странновато улыбнулся, нарисовал ладонями сердце и послал через него воздушный поцелуй. Еще бы подмигнул, чтобы окончательно разрушить мою психику. Но, кажется, у них в обители это в порядке вещей. Вернув прежнюю маску бесстрастности, дворецкий пошел заказывать мне местное такси.

– КпЗП! – раздался за спиной мужской голос. – Нам нужно поговорить с маркизом Эсьеном.

КПЗ? Я подхватила подол и понеслась, что было мочи, вниз по лестнице. Пролеты преодолела на ура, хотя, сказать откровенно, тот, кто придумал туфли с каблуком, смещенным к центру стопы – изверг! Чтоб ему всю жизнь такие каблуки носить. На последних ступенях силы меня покинули, и я потеряла равновесие. Несколько неуклюжих шагов, и меня накренило вперед, а дальше стальные пластины в корсете сделали свое черное дело. И акробат бы свалился, но мое падение было триумфальным. Только вовремя подставленные ладони избавили мое лицо от синяков, но грохот раздался

такой, словно упал, как минимум, слон. С третьего этажа.

– Невероятно! – пробурчала, пытаясь оценить повреждение. Платье здорово амортизировало удар, так что пострадала только гордость. Встаем, Лена, пока никто не увидел.

Думаете, это просто? Серьезно?! С неуклюжими фижмами, словно крылья самолета, и тяжеленным корсетом, который не позволяет согнуться вообще! Вообще – это значит вообще-вообще. Так я и лежала, словно проглотила палку, повторяя участь божьих коровок, упавших на спину. Они беспомощно молотят воздух лапками, тщетно пытаясь перевернуться. Я же пыталась хотя бы ягодицы прикрыть – тяжелый подол платья укрыл меня с головой, оголив все, что ниже пояса.

Активно работая локтями и бедрами, худо-бедно себя прикрыла, но подняться все равно не смогла – только перевернулась на спину. Что-то треснуло. Похоже, я сломала фижму... или ребра... или все разом. Пока ощупывала себя и наряд на предмет повреждений, в зоне видимости оказался мужчина с ироничным взглядом. И он смотрел, конечно же, на меня.

– Здравсьте... – выругалась в ответ. А нечего так смотреть на женщину в беде! Ладно, исправляемся. – То есть, кхм кхм, здравствуйте.

Смешно важничать, лежа на полу, да еще и в такой позе. Мужчина, откинув с глаз светлые пряди, лукаво улыбнулся. Чему бы улыбаться, когда ты мужик, а вынужден потвор-

ствовать моде на рюшки, кружева и вышивку? Хотя, признаться, незнакомцу шли и нежно-голубые цвета жюстока с золотой вышивкой по бортам, и камзол цвета топленого молока, отороченный воланами, и даже (не верю, что говорю это), пышное жабо на груди. Если бы я шила ему костюм, выбрала бы нежно-голубой сатин.

Когда я впервые увидела Ромку в чулках – долго хохотала. Думала, прикалывается. Серьезно, самая несексуальная в мире картинка – мужик в женских колготках. Но передо мной стоял великолепный образчик ходячего тестостерона в белых чулках и обтягивающих штанах до колена. То ли картинки в учебниках неправильные, то ли на истории костюма мы неправильно шили, то ли дело в мужчинах-моделях, но я залюбовалась. Приталенный силуэт, покатая линия плеч, чулки, подчеркивающие мышцы на ногах. При том, что мужчина носил едва ли не женскую одежду, он выглядел мужественно. В каждом его движении была особая статья, а голос – глубокий, хриловатый, выключил мои мозги. Наверное, я только с пятого раза услышала его вопрос.

– Вам помочь?

Что? Помочь? Мне? Ах, помочь...

– Да нет, что вы, я отдыхаю.

Мужчина нахмурил брови, а потом разразился смехом.

– Неподражаемо! Оказывается, еще остались леди с чувством юмора!

Меня одним рывком поставили на ноги и даже помогли

поправить одежду.

– Позвольте узнать имя прелестницы?

Это он заключил после знакомства с моими нижними девяносто и разрезом на панталонах?

– Лена... – замерла с открытым ртом, вспомнив, что меня разыскивают КПЗ и, может, кто-то еще. А мне не хочется в КПЗ. Я не Лена, я маркиза. И олень его помнит какая именно маркиза, но точно не соседская кошка! Да-да, та, что со скверным характером...

– Лена? – озадаченно переспросил незнакомец.

Рыжеволосая же говорила, как меня зовут! Что за память? Кажется, Триана или Траяна. Это ладно, а фамилия? Де Бревно? Де Арно? А, хотя, какая в сущности разница? Я, может, вижу этого красавчика с голубыми глазами первый и последний раз. Главное, чтобы он не заподозрил, что я неправильная маркиза.

– Вообще-то, меня зовут Траяна де Брено. Но друзья иногда ласково зовут меня Лена.

– Лена? – снова озадаченно повторил мужчина, словно такого имени в этом мире не существует.

Срочно выкручиваемся! Прокашлялась и пустилась в путаные объяснения:

– Понимаете, моя матушка назвала меня Траяной, а отец страстно хотел Ленарду. Так и получилось, что все зовут меня Траяна, а родные и близкие ласково – Лена, сокращенно от Ленарда.

– Ах, вот оно что, – расслабился он и сам ухватился за мою ладонь, чтобы облобызаться.

И что мне теперь делать? Выдернуть руку и бежать? Кажется, из вежливости, я вынуждена познакомиться. Хотя, какое тут знакомство, я одна, он один, так недолго и замужем оказаться! Поговаривают, раньше думали, будто дети рождаются от совместного лежания на диване.

– А вы? – спросила рассеянно, озираясь в поисках хоть кого-нибудь. Увы, но кроме топота на верхних этажах и взволнованных разговоров вдалеке – никакой помощи.

– Я? – изумился он. – Неужели вы не знаете моего имени или это тонкое чувство юмора от маркизы?

Зашибись, я еще и знать его должна! Местная знаменитость что ли?

– Прошу меня простить, я недавно ударилась головой, и еще не в полной мере вернула ясность рассудка. Маркиз Этьен отпустил меня на свой страх и риск, но я вынуждена поспешить – дела.

Ох, как отлично завернула, даже самой приятно!

– Что ж, в таком случае – Ламмерт де Рюшон, – мужчина расправил плечи и приподнял подбородок, будто произнесенное имя должно для меня что-то значить. Хоть бы титул назвал. Раз так хорохориться, то точно не маркиз. Наверняка какой-нибудь виконт или граф, или... ай, я совсем не разбираюсь в геральдике и, кажется, начинаю паниковать! Или это корсет душит? Или просто невыносимо жарко стало?

– Было приятно с вами познакомиться, но я страшно опаздываю...

Впервые вижу такую растерянность на лице мужчины. Ладно растерянность, кажется, я смертельно его обидела!

– И все?!

– На самом деле нет. Хотела узнать, что происходит? Суе-та какая-то вокруг, все бегает, шушукаются. Мне стоит волноваться?

– Вам – нет, – растерянно произнес мужчина. – Объявилась попаданка и КпЗП пытается отыскать ее быстрее вольных магов, радикалов и других охотников за диковинными сущностями.

Вольные маги, радикалы, диковинные сущности?

Икнула, глядя на нового знакомого как на инопланетянина. Может, мне во всем признаться и попросить о помощи?! Если б только знать, кому в этом жутком мире можно довериться!

– Ах, бедняжка, – воскликнула делано, наостривая лыжи к выходу. – Что ж, приятно было познакомиться и все такое, но мне пора.

И тут к своему ужасу осознала, что, вроде как, положено отрядить реверанс. Или книксен. Или поклон, если эти упражнения вообще отличаются. Если сделаю что-то неправильно, меня раскусят! Ударом головой тут не отделаешься. Реверансы, поклоны и книксены маркизы впитывают еще с молоком матери.

– Ваше высочество! – на мою радость в холл ворвался взмыленный лакей и, отрядив глубокий поклон, выпрямился. – Маркиз рад принять вас в...

Пользуясь случаем, шмыгнула за двери не прощаясь и, только когда бежала вниз по мраморным ступеням, поняла: «ваше высочество?». Ваше, блин, высочество!!! Я только что, глядя в глаза иноземному принцу, фактически заявила, что знать его не знаю? Ну, Лена, ну молодчина! Такими темпами ты до ближайшего столба не добежишь, как окажешься в застенках!

На мое счастье, столбов поблизости нет. Местность вокруг обители (грандиозной и щедро украшенной фресками, лепниной и чем-то похожим на гирлянду) умиротворяла. Во дворе резвилась ребятня, прикрепляя снеговiku-олению рога, развлекались с розоватым снегом молодые леди, перекладывая его с ладони на ладонь или подставляя румяные лица падающим хлопьям. Послушницы в розовых, белых и красных балахонах украшали двор парящими в воздухе разноцветными огоньками. Они складывали ладони вместе и внутри рождались светящиеся комочки. Взмах – и комочки послушно летели украшать лавочки, своды беседок, бордюры фонтанов и кованые ограждения. Послушницы выглядели настолько счастливыми, что у меня закрались мыслишки о секте. Seriously, только в сектах адепты готовы расцеловать весь мир. Местный аналог свидетелей Иеговы что ли?

Из окна я неплохо рассмотрела местный ландшафт, по-

этому сразу же свернула на широкую мощеную дорожку. Две послушницы старательно сметали с нее снежные лепестки и приветствовали меня воздушными поцелуями. Стремно посылать поцелуи в ответ незнакомым женщинам, поэтому я нервно улыбнулась и ускорила шаг, сунув ладони в муфту. Кроме нее на мне не было теплых вещей, но, странное дело, снег совсем не охлаждал. Я даже остановилась и, сохраняя прямую спину (проходили мы, знаем уже!), зачерпнула пригоршню лепестков. Думала, они мгновенно растают на пальцах, оставят зябкие капли, но сверкающие иномирные снежинки, прохладные на ощупь, таять не планировали. Слепила из них снежок и отправила розовый комочек в полет.

– Уй! – взвизгнула немолодая леди, получив снежком по ягодицам. – Что за невоспитанная детвора!

Блин. Я же не специально!

Наскоро сунула ладони в муфту и сделала покер фэйс. Плюс титула – на тебя и не подумают. Дама в возрасте трясла над головой зонтиком и возмущалась на тему поруганной чести и распустившейся молодежи. Да подумаешь, снежком угодили! И вообще, в таком возрасте радоваться надо, что помогают.

С другой стороны, малышня звала то ли маму, то ли гувернантку покататься с деревянной горки, но та с горящими от волнения глазами отвечала, что не пристало леди кататься с горок. Возраст, де, не тот... В новом мире, надо полагать, после восемнадцати с леди уже сыпется песок.

Ох, дамы-дамы, я здесь всего ничего, а уже вас понимаю! Запреты продиктованы исключительно неповоротливостью костюма! Захочешь согнуться – и не получится! А упадешь – пятеро не поднимут. Если я по какой-то причине здесь задержусь, то революция в мире моды неизбежна. Лавры новой Коко Шанель согрели мою самооценку, и сделали отдаленное будущее более привлекательным. На Земле я хоть и способная швея, но все же швея, немножко модельер. Да, иногда модели моих платьев покупают и берут в работу крупные бренды, но все это халтурка. Мерседес, конечно, купила (да-да, в кредит), но честно признаться, тратила на него больше, чем на себя. И питался он на порядок лучше – девяносто восьмым, в то время, как я день через день ела Ролтон, обосновывая это «прихотью». Основной мой заработок – снять мерки и пошить незамысловатые модели, потому что на замысловатые у клиентов денег нет. Странное дело, невеста готова потратить на свадебный банкет двести тысяч, но не готова отдать пятьдесят за наряд.

Погруженная в свои мысли, я спешила по дороге, предусмотрительно приподняв подол платья (хватит с меня неуклюжих полетов), пока не услышала залиvistый щенячий лай.

– Пшел вон! – раздалось за цветущей магнолией. Кстати, это единственное дерево, усыпанное цветами, остальные дремали, сбросив листву. Щенок ответил грозным тьявканием, но оно оборвалось жалобным визгом.

– Что?!

Резко сменила траекторию, направляясь напрямиком к магнолии. За ней прятался изверг, обижающий беззащитных животных!

– Пошел, сказал! – рывкнул мужчина, но щенок не унимался и все бросался на белоснежные чулки знатного господина.

Не выдержав варварства, тот вскинул ладонь и в ней выросло нечто большое, черное и опасное. Большого ума не надо, это магия и магия разрушительная!

Я ломанулась наперехват, потеряв по дороге башмаки и путаясь в подоле. Рывок, и я вцепилась в руку изверга прежде, чем с нее сорвался черный комок.

Ох, что это был за полет! А говорят, что люди летать не умеют. Умеют, и еще как, нужен только стимул! Летела я высоко, быстро и далеко, аж дух захватило и не успела подумать о жесткой посадке, как приземлилась в теплые и уверенные объятия...

Вряд ли я соображала трезво, потому что с перепуга похлопала спасителя по плечу и сбивчиво прошептала:

– Теперь вы обязаны на мне жениться!

У меня с детства странная реакция на стресс. Но, разве может быть иначе, когда отец – ВДВ-шник с боевым стажем. Нормальный человек вопит и истерит, когда случается что-то страшное, потом его долго лихорадит и после сорока капель пустыряника обычно отпускает. Со мной не так. Во вре-

мя стресса я электронно-вычислительная машина: анализирую, соотношу, принимаю взвешенные решения (да-да, накинута на мужика, желавшего убить щеночка – взвешенное решение, я бы повторила!). А вот после... после – разносит! Могу нести глупости, хихикать и улыбаться. Откат, обычно, наступает гораздо позднее, когда перед глазами проплывают картинки случившегося и приходит осознание, чем все могло обернуться. Но в новом мире все процессы в моей голове бурлили как суп в кастрюле. Магическая штукавина откинула меня на добрую сотню метров прямиком в объятия...

– Как?! – воскликнула, впиваясь в ватные плечи двойника издевателя над собаками.

Только он был неправильный: холодный и мягкий, как матрас на балконе. Зато я прекрасно рассмотрела черты его лица, прикрытого упавшими на лоб черными прядями. Красивый, упрямый и непримиримый, судя по складкам на переносице, не особо следит за модой и наверняка не женат – щеки покрыты двухдневной щетиной, в то время как местные мужчины настолько гладко выбриты, что их подбородки напоминают дамские колени. Подбородок моего спасителя коленку не напоминал! Сильный такой, волевой подбородок, резкий, как и скулы, а еще...

Что там еще додумать не успела – меня принесли на место.
– Леди, вы в своем уме?! – донеслось раздраженное замечание оригинала.

В отличие от копии, первый экземпляр казался более живым. Во-первых, он говорил и дышал, а мой спаситель – нет. Во-вторых, у него кожа нормального цвета, а у второго, она серая и сухая, как пергаментная бумага.

– Нападать на мага с заряженным пульсаром! Это же надо додуматься.

Когда меня бережно опустили на землю, отпрянула от копии как от зомби, а потом лицезрела слияние двух мужчин в одного. Ну, нет. Я точно с ума сошла! Тот, который меня спас, молча шагнул в того, который едва не пришиб щенка, и они слились! Щенок мое недоумение разделял и сидел, озадаченно склонив голову на бок. По-смешному приподняв одно ухо, он решал, то ли дать деру, то ли твякнуть еще раз. Но, поскольку последнее чревато, куда-то потрусил. Умный парень, даром, что малютка!

– Повторю вопрос. Леди, вы в своем уме или растратили его на любовные романы? – судя по тону, это было утверждение, а не вопрос.

– А вы разве имеете право говорить мне подобные вещи? Дерзите, насмехаетесь, что за воспитание?! – повторила тоном бабули, которой отрядила снежком по ягодицам. Но, то ли актриса из меня слабенькая, то ли оригиналу тоже снежком прилетело, но по голове, он неожиданно улыбнулся, отчего его суровое лицо преобразилось. В холодных глазах цвета летнего неба промелькнули теплые искры, похожие на тлеющие угольки в камине.

– Если женщина ведет себя неразумно, имею! – он смягчил тон, но не подумал извиниться. – То, что вы сделали – опасно.

Вот уж правда неразумно! В забеге я потеряла обувь и мои ноги заметно продрогли. Но скончаться от воспаления легких мне не грозило – щенок уже трусил обратно, зажав в пасти пару тряпичных туфель.

Незнакомец властно оттеснил меня за спину, готовый пасть смертью храбрых в неравном бое с ужасным и кровожадным щенком и все, защищая благородную леди. Даже магический шар создал. Романтично, конечно, но, блин...

– Чему вы улыбаетесь? Я даже спиной это чувствую!

– Вы обороняетесь от миленького щенка магией? – усмехнулась, огибая крепкую мужскую фигуру, созданную воевать с мужчинами, но не с детенышами животных.

Незнакомец кашлянул и впитал силу, стряхнув с ладоней. Я хотела склониться к малышу и потрепать его за ушками, но передумала (коварный, коварный корсет с китовым усом так и мечтал уложить меня кверху ягодицами!).

– Спасибо, дружок! – обулась, сохраняя равновесие. – Мои ноги совсем замерзли.

– Этот «миленький дружок» – детеныш опасного и кровожадного монстра, – просветили меня ледяным тоном.

Упомянутый озадаченно тявкнул, глядя на меня честными-пречестными глазами и уверяя, что он не монстр, а, если немножечко и монстр, то не кровожадный.

Ну все, я пошла! Смертельный номер от маркизы Лены Гордеевой. Сохраняя прямую спину, медленно опустилась на корточки и подхватила монстрика на руки.

– Что вы делаете?

– Очевидно, рискую жизнью! – усмехнулась, поднимаясь с той же осторожностью. Впрочем, незнакомец оказался из понимающих и позволил опереться на свою руку. – Благодарю. Бархат цвета красного вина вам удивительно идет. И, как кстати, на нем не видно крови ваших жертв!

Щенок уткнулся мордой в мою грудь и зафыркал, словно сдавливал смешок. Я нежно гладила его, успокаивая после встречи с плохим дядей, чьего имени я по-прежнему не знаю. Глянула на дядю украдкой и стала сомневаться, такой ли он кровожадный и плохой? С виду воспитанный джентльмен, который слегка не дружит с модой. Жюстокор игнорировал напрочь, поверх белой сорочки только камзол из дорогого бархата, а жабо не более чем дань традициям – больше похожее на шейный платок, пристегнутый скромной брошкой с черным камнем.

Передо мной, несомненно, военный. Фигура, выправка, рефлексy «спаси и защити», к тому же, ладони... крепкие такие, с сильными пальцами и выделяющимися венами. И да, чулки тоже не оставляли пространства для фантазии. Товарищ без сомнений завсегдатай местных тренажеров.

– Это щенок лютозверя. Они могут казаться безобидными и милыми, чтобы втереться в доверие жертве, но основа их

рациона – сырое мясо. И неважно, будет ли это курица или рука, которая гладит его по голове.

Лютозверь недоуменно поднял морду и вопросительно заскулил. Да-да, плохой дядя на тебя напраслину наводит, я знаю.

– Seriously? Мне кажется, единственный лютозверь здесь – это вы. И основа вашего рациона – недоверие.

Щенок одобрительно твякнул, но, напорвшись на подавляющий взгляд брюнета, спрятал морду в моем декольте. Я потрепала его за ушком (щенка, не брюнета, конечно же), и малютка разыгрался, забавляясь с моими пальцами. То легонько прикусывал их острыми зубками, то облизывал.

– Вы вспомните мои слова, когда он откусит вам руку.

– Какой страшный! – прошептала в притворном ужасе и добавила с иронией: – Спасибо, что спасли меня!

– Делаю скидку на вашу неосведомленность в силу возраста и пола.

– Вы думаете, если прикрыть оскорбление затейливыми словами, то все нормально? Приличия соблюдены?

Мужчина, заложив руки за спину, сдержанно улыбнулся, разглядывая меня с неприкрытым интересом. А я... что я? Тоже на него смотрела! Не зазорно ведь? Успею еще побегать, КпЗП здесь все равно не пахнет. Наоборот, меня даже от лютозверя защитили!

А какие глаза у него красивые – льдисто-голубые, цвета незабудок. В сознании шевельнулись какие-то воспомина-

ния, словно я могла видеть этого человека раньше.

– Ну вот, теперь улыбаетесь вы. Чему, интересно?

– Вы...

Он задумался, подбирая подходящее слово, а у меня впервые обмерло в груди. Так, как бывает в голливудских фильмах, когда героиня встречает главного героя. Играет трепетная музыка, они смотрят друг другу в глаза, понимая, что здесь и сейчас рождается теплое чувство, маленький, совсем нежный росточек, который с легкостью можно раздавить или вырастить из него крепкое дерево сильного чувства.

Меня схватили и прижали к груди за мгновение до оглушительного грохота. Лютозверь жалобно заскулил, зажатый в тиски двух тел, а незнакомец крепко обнял, предупредив, чтобы не шевелилась. Я испуганно прижалась щекой к мягкому бархату его камзола и замерла. Страх пытался сжать горло, но знакомый земной запах – свежескошенной травы и знойного лета – успокаивал и отвлекал от мыслей, что за спиной моего спасителя творится ужас, скрытый мутноватой пеленой магии, покрывающей нас едва различимым куполом.

Мужчина развернулся так, что я оказалась спиной к тому, что упало. А, судя по грохоту, упало нечто большое. Небо прошил крик, похожий на орлиный, только издала его птица куда больших размеров. Она заслонила собой солнце и рванула ввысь.

– Схватить и на допрос, – скомандовал мой спаситель и

в небо устремилась едва различимая сеть, раскрылась опасным цветком и опутала птицу. – Договоримся так, – спокойный мужской голос обращался уже ко мне. Причин для спокойствия нет, но уверенность мужчины втекала меня через его взгляд, бережные прикосновения и голос. Визжали дети, леди в ужасе метались, не зная, куда себя деть, к нам сбегались мужчины и послушницы, а я видела и слышала только его. – Сейчас ты уходишь и не оборачиваешься.

– Но там...

– Не для женских глаз!

Мое лицо обняли ладонями и повторили жестко, чтобы дошло:

– Уходишь. Не оборачиваешься.

Лютозверь заскулил и понятливо накрыл глаза лапами.

– Поняла?

– Поняли. Поняла. Поняла я, да, – сбивчиво прошептала, понимая только одно – паника все же подступает.

– Ничего ты не поняла, – со вздохом констатировал мужчина. – Уходи. И быстро.

Он отстранился и меня окутало холодом. Не только физически, но и душевно. В объятиях незнакомца было так тепло и уютно, что я забыла и о попаданстве, и о кредитах, и об оленях, будто мы близкие люди, но долгое время были в разлуке. А я чувствовала себя птенцом, который выпал из гнезда и не знает, как дальше быть. И он что, обратился ко мне на «ты»? Мы знакомы? То есть, он знает маркизу?

Я не представляла, что делать дальше. Ну, хорошо, доберусь до дома маркизы, а потом? Домашние узнают о подлоге и сдадут в КпЗП! А что, если они тут и правда защищают попаданок от суда Линча? Ну, мало ли как мои коллеги накуролесили прежде? История ведь знает много всего. А вдруг у маркизы есть муж? А вдруг он страшный?! Вдруг он похож на Этьена и потребует любви, много и часто?!

Последняя мысль настолько оглушила, что я так и стояла с открытым ртом и широко распахнутыми глазами.

– Миледи, вам лучше покинуть место трагедии! – произнес кто-то и мягко подтолкнул меня в спину, вынуждая сделать несколько шагов.

Муж! Страшный и властный, и любвеобильный...

Рефлекторно обернулась и забыла о муже, потому что на снегу, сброшенная птицей, которая уже билась на земле в сетях, лежала рыжеволосая девушка, похитительница чужих богатств. Та, что напугала меня КпЗП и обещала помочь. Хороша же помощница...

– Миледи! – повторил мужчина, уже настойчивей выпроваживая меня с места преступления. – Идемте, я провожу.

– Эта женщина...

Я впервые увидела смерть так близко, а чтобы трупы падали с неба – вообще невероятно.

– Верховный комиссар разберется. Он уже здесь, все под контролем.

– Но она мертва!

– И вы ей уже не поможете...

Я оторопело глядела назад через плечо, пока очередной незнакомец, поддерживая меня за локоть, волочил к выходу из обители. Мы ведь разговаривали с ней каких-то десять минут назад! Как она оказалась в небе? Кто мог сотворить с ней такое и... не грозит ли мне опасность?

– Ай! – возмутилась, когда хватка мужчины стала настоящей.

Лютозверь по-прежнему возлежал на моих руках и недовольно рычал на провожатого. Признаться, руки уже порядком устали от тяжелого найденыша, но бросать его на произвол судьбы – страшно. Кругом нехорошие дяди, которые обижают щенков и убивают тетенек. Представила, что с лютозверем что-то случится, и прижала к себе покрепче. Не отдам!

– Да что вы тянете-то меня, как мешок с картошкой?! – возмутилась, когда провожатый ускорил ход. Да чего там, он разве что не бежал.

И, похоже, бежали мы не туда. У меня неплохая визуальная память. От центральной дороги (на которую свалилось тело) идет узкая гравийная и кончается она мрачными кустами с облетевшей листвой. Мы уже отошли на приличное расстояние, чтобы мой предыдущий незнакомец заметил, что я попала в беду. Да и редкие встречные, встревоженные происшествием, не обращали на нас внимания. Да, идут два знатных господина, даме плохо, а мужчина – джентльмен ее под-

держивает. Ничего подозрительного. Только мне подозрительно. Очень!

– Мне кажется, мы идем куда-то не туда, – произнесла осторожно, замедляя шаг. Впереди уже виднелись черные ветви орешника и плотные заросли уснувшего на зиму боярышника. Идеальное место преступления! Здесь тихо, почти нет прохожих, от центра происшествия далеко. Даже если закричу, вряд ли кто обратит внимание – слишком шумно.

– Откуда тебе вообще знать, куда идти? – усмехнулся он, ногой распахивая неприметную калитку в заборе. – Вперед.

– Кто вы?

Да какая мне, в сущности, разница? Я просто тянула время и, как учил папа, пыталась больше узнать о противнике. А потом, когда удастся спастись (а мне удастся, папа научил, как натрескаться по голове особо наглым ухажерам), эти знания понадобятся, чтобы уже папа натрескал. Наверное, поэтому у меня не задалась личная жизнь. Как только отец узнавал, что на моем горизонте кто-то появился, этот кто-то подозрительно быстро растворялся.

Но папа в другом мире. А в этом только знания, которые он мне дал. Правильно говорят, задача родителей – научить детей обходиться без них. Кажется, меня ждет экзамен.

– Я жду ответ, – повторила настойчиво, нехотя протискиваясь боком в узкий проход.

Мы вышли в закоулке и направились к крытой карете,

припаркованной по ту сторону дороги у высокого, выложенного дорогим камнем забора.

– Тот, кто тебе поможет. И тот, кого ты сделаешь счастливым, сильным и богатым, моя милая Траяна, – последнее слово он произнес так, словно знал, что Траяной от меня и не пахнет. Ну, может только и пахнет, а в остальном я не она.

Так, все. Хватит! Я остановилась посреди дороги и вскинула подбородок (на деле стреляя глазками по сторонам, в поисках рыцаря на белом коне. Кони здесь не редкость, может, и рыцари водятся?! Ну, хоть один? Пожалуйста!).

– Я отказываюсь куда-либо с вами идти и...

Меня грубо толкнули в спину, отчего я едва не выронила лютозверя.

– Быстрей, иначе свяжу.

– Да ты охренел?!

По всему выходило, что да, потому что меня (благородную, чтоб ее, маркизу!) снова пихнули в спину. Все, сам виноват! Я, сохраняя прямую спину, спустила щенка на землю.

– Лютый, подожди немного, мама поговорит с плохим дядей.

Щенок осмотрелся и почти сразу куда-то убежал. Вот тебе и Лютый! Маленький трусишка. Не без сожаления, я попыталась объяснить господину, что свободные маркизы в буржуазном обществе без желания не ходят с незнакомыми господами, но стоило мне открыть рот, как меня схватили за стомак и поволокли к карете. Что ж, ты первым начал.

Затормозила, резко выставила ногу и, подтолкнув со спины, помогла мужику перекувыркнуться и приземлиться на задницу. Один ноль в пользу Лены Гордеевой!

Вот учил меня папа не радоваться победе, а ноги делать! Уже через мгновение, вспененный незнакомец вскочил и вцепился в мою прическу. И почему чуть что, женщин сразу таскают за волосы? Это запрещенный прием, как удар коленом в пах!

И тут я осознала ужасающую вещь, что красота в стиле рококо напрочь лишает женщин возможности обороняться от незадачливых ухажеров резким поднятием колена. Потому что за ворохом платьев неприятель даже не поймет, что я хотела изобразить.

Едва не запутавшись в собственных юбках (зацепилась каблуком за нижнюю), я удержалась на ногах, вцепившись в камзол неприятеля. Мы держали друг в друга, не то яростно обнимая, не то пытаясь повыдергивать друг другу волосы, не то срывая одежду. У меня затрещал рукав (тот самый, три четверти с шикарными воланами, вот ведь вандал!) у него порвалось жабо и отвалилось несколько пуговиц с жюстокора. Бой выходил неравный. Мужская сила побеждала мои умения, тем более в таком наряде.

К тому же, под ногами путался Лютый. Он втискивался между нами, только и успевая отскакивать то от моих каблучков, то от жестких сапогов неприятеля. Я не желала от него отцепляться, потому что стоит потерять равновесие – и без

посторонней помощи с земли я не поднимусь.

Лютый заголосил. Он вопил и рычал до тех пор, пока я не опустила взгляд, и не оценила его старания.

Ах ты ж мелкий засранец! Никакой ты не Лютый, ты дюже умный комиссар Рекс!

Я изо всех сил отпихнула похитителя маркиз и отбежала на пару шагов, хлопая себя по бедру ладонью. Миры разные, а жест, похоже, универсальный! Мой сообразительный защитник подбежал и устроился у хозяйских ног по жесту команды «ко мне». Он тоже хотел полюбоваться результатом. Не знаю, где он отыскал веревку и как умудрился обмотать вокруг ствола боярышника, а потом запутать ноги взбешенному неприятелю, но определенно зачет!

– Хватит! – прошипел похититель, брызгая слюной. Взмах, и в его руке оказалась магическая плеть.

Ой-ой! О таком мы с комиссаром Рексом не подумали.

– Бежим! – скомандовала, и мы бросились удирать.

– Траяна!!! – прорычал незнакомец.

Удар магическим хлыстом рассек мостовую слева от нас. Брызнули каменные осколки, обжигая предплечья и щиколотки, но мы с Рексом неслись дальше. Позади раздался грохот и, кажется, местный мат.

Вот бы посмотреть на рожу негодяя! Сомневаюсь, что спутанные ноги удержат его надолго, но надолго и не надо. Папа всегда говорил: главное выиграть время, чтобы удрать туда, где много людей. Я не знала, где много людей, но полагала,

если бежать по дороге, то рано или поздно встретится карета. Так оно и оказалось.

– Помогите!!! Спасите!!! – завопила во все горло, когда из-за угла медленно выкатилась крытая повозка с эмблемой какой-то службы на пузатом боку. Лошади замедлили ход и остановились. – Эй, я здесь!!! Помогите!

Комиссар Рекс звонко потягивал, несясь во весь опор.

Топот за спиной резко оборвался. Смелчак смылся, как только на горизонте появился высокий мужчина в форменном жюстокоре. Форму в нем выдавали золотистые эполеты с бахромой и нашивка того самого знака, что красовался на карете, только на нагрудном карманчике.

– Помогите, – повторила, запыхавшись, хотя погоня уже закончилась. Сердце все равно грохотало в ушах, желая покинуть ставшее тесным тело. А уж как жаловались легкие – не передать. Еще ноги выражали недовольство – они бежали на носочках, потому что помним – каблук по центру стопы.

Тесный корсет превратился в пыточное приспособление. Я пыталась вдохнуть полной грудью, но не получалось. И не уверена, что веер, положенный для таких ситуаций, хоть как-то поможет. Да у меня его и не было, веера-то.

– Вы... не могли бы... ой, сейчас...

Я едва дышала, уперевшись руками в колени. Вредный корсет то и дело пытался уронить меня вперед, но я оттопырила попу, сохраняя хоть какой-то баланс. Плевать на приличия, в обморок бы не хлопнуться!

– Леди, что произошло? Кто за вами гнался?

Тут приоткрылось окно кареты и раздался голос... Ох, что это был за голос! Наверное именно так: вкрадчиво, почти ласково, с бархатными нотками, но невероятной силой, разговаривают сицилийские мафиозники. Очень высокопоставленные!

– Габриэл. Кто бы ни гнался за леди, его уже нет.

С интересом бы посмотрела на лицо обладателя притягательно-опасного голоса, но не могла разогнуться.

– Могу я вам помочь? – сочувственно спросил Габриэл.

Насилу кивнула, указывая на корсет.

– Ленты... ослабьте, а... Пожалуйста!

– Но, леди...

– Ослабьте! – рявкнула так, что мужчина не посмел ослушаться и подошел ко мне со спины.

– Я не то чтобы силен в этом предмете дамского гардероба...

Так, поставить себе первым пунктом плана – изобрести нормальный корсет. Нормальный, я сказала! Он не должен мешать дыханию, приему пищи и, уж тем более, рождению малышей.

Да-да, между прочим в эпоху рококо многие дамы теряли детей по причине корсетов! А те, кто умней да побогаче, в интересном положении смывались в деревню, где нет столь строгих правил по утягиванию ребер. Изверги! Ух, изверги!

– Уважаемый, дерните за веревочку!

«Двери и откроются», – подумалось мне. Я, конечно, не красная шапочка, но серый волк за мной гнался.

– Какую из?

– Любую! – прохрипела, уже не разделяя, где корсет, а где подступившая паническая атака. Нет ничего хуже, чем понимать, что не в силах вдохнуть. – Скорее, пока я в сознании!

Представив обморочную леди, Габриэл дернул за все тесемки разом. Легче не стало. Пришлось едва ли не на пальцах объяснять, как расслабить замысловатую вязь.

Пока мужчина занимался непривычным делом, мне подумалось, а как в этом мире обстоит... ну, скажем, с продолжением рода? Они просто задирают даме юбки? Или «дорогая, ты пока готовься, я подойду через полтора часа?» Даже самый пылкий любовник охладает через полтора часа. Думаю, местные мужчины скажут мне спасибо за изобретение корсета на крючках! Хоп-тиридоп, и дама готова. А еще грудь! Больная тема, но даже пышная грудь в тесном корсете превращается в две неаппетитных олады. Этим тоже займусь...

Вскоре стараниями Габриэля я смогла дышать.

– А теперь, милейший, завязывайте, – потребовала, довольнo улыбаясь.

– Но, как же...

– Да, прямо так и завязывайте.

Озадаченный мужчина выполнил мою просьбу и, утирая со лба испарину, помог мне выпрямиться.

– Благодарю покорно. Вы мне в буквальном смысле жизнь

спасли. Даже дважды!

– Уавф! – подтвердил комиссар Рекс и Габриэл отреагировал неадекватно – сотворил в руке ярко-синий огонек.

– Миледи, не шевелитесь!

Я привычно заступила лютозверя и погрозила новому знакомому пальцем:

– Не смейте! Это мой Лютик, и я не позволю причинить ему вред!

– Но, миледи...

– Я ему жизнью обязана, и не дам швыряться этим в моего питомца!

Блондин впитал яркий комочек и почесал затылок.

– Оставь лютозверя, – донеслось из кареты. Но в ласковом голосе слышались шипящие нотки. Примерно так шипят кошки на собак. Интересно, кто там? За бархатной шторой не разобрать лица.

– Что ж. Вы желаете написать заявление? – с опаской поглядывая на Рекса (он, меж тем, пользуясь случаем, без стеснения вылизывал себя), произнес Габриэл.

Нет, отпущу гада гулять на свободе. Что за странный вопрос?!

– Разумеется, желаю! Где я могу это сделать?

А я вообще умею писать? А говорить почему умею? Или это автоматом передалось вместе с телом?

Габриэл растерянно осмотрелся и, приняв какое-то решение, подал мне локоть:

– Пожалуй, мы все равно не найдем нашего гостя, так хотя бы вам поможем. Отвезем вас пока в КпЗП, все равно жандармерия на теле и некому принять заявление. Погостите у нас, отдохнете в безопасности, в себя придете.

И половины не поняла, но вычленила главное!

– КпЗП? – переспросила испуганно.

– Не переживайте, у нас вам будет уютно и комфортно. А еще – есть жасминовый чай с пирожными. Вы же любите пирожные?

Габриэл обворожительно улыбнулся, усыпляя мою бдительность. Не знаю, кем он работает, но успокаивать женщин умеет. Пирожные – это хорошо.

– А когда жандармы освободятся, сразу возьмутся за вас. И, признаться, как джентльмен, я не могу оставить вас ни здесь, ни дома в одиночестве. Тот, кто вас преследовал может быть опасен.

– Он очень опас-сен, – донеслось из кареты.

– Вот видите. Ну что, едем?

Я не чувствовала опасности ни от Габриэля, ни от кота в карете (именно такая сложилась ассоциация – породистый и наглый котяра там сидит, этакий сицилийский Эль Бандито), а потому согласилась, но с одним условием:

– Лютый поедет с нами!

– Э-э...

– Не обсуждается.

Из кареты донесся смех.

– Миледи мне нравится, Габриэл. Пусть берет лютозверя. Мы справимся с детенышем.

Забраться в карету оказалось тем еще испытанием. Габриэл мне помог, конечно, но я щегольнула своей неуклюжестью и едва не ввернула пару матерных, когда зацепилась юбкой за дверцу. Конфликт уладили, меня устроили на пурпурной бархатной подушечке (почему-то, по словам Габриэла, леди должны сидеть на подушках), и карета тронулась.

– Прошу прощения, обстоятельства нашего знакомства нарушили все правила приличия, – знакомец расправил широкие плечи и щегольнул профессиональной улыбкой. – Габриэл де Перон. Отдел поимок и поиска КпЗП.

Я икнула и уставилась на мужчину большими глазами. Не просто КПЗ, но еще отдел поимок и поиска меня, ценного, по словам рыжей, экземпляра.

– Отдел поимок и поиска, – терпеливо повторил собеседник.

Поимок и поиска. То есть, теоретически, он ищет меня. Или уже не ищет? Кажется, недавно он сказал, что все равно не найдут «его». Пришлого?

– Думаете, где-то здесь пришлый? Насколько вижу, вы при исполнении...

– Да, миледи...? – он вопросительно посмотрел на меня.

Лена, вживайся уже в роль, блин! Вы как бы знакомитесь.

– Маркиза де Бревно.

Габриэл явно удивился, но вид подавала только его левая

бровь. Точно бревно!

– Гм. Де Вруно.

Еще лучше! К левой присоединилась правая бровь. Закрыла глаза и улыбнулась. Надеюсь, щеки просто потеплели, а не стали пунцово-красными? Потому что, если стали, то лоб и руки тоже цвета помидора – они горели от стыда!

– Де Бруно, – произнесла, собравшись. – Простите, нервничаю!

Впервые почувствовала желание взять в руки веер (и треснуть им себя по голове).

– Да еще эта жара... Погоня. Ужас!

– Кстати, об этом. Ксавье, ты ничего не почувствовал? – Габриэл списал странности моего поведения на стресс и обратился к своему спутнику.

Ксавье! В углу, скрытый теньями, сидел элегантный мужчина в черном костюме. Закинув ногу на ногу, он изучал меня пристальным взглядом. Показалось, что его глаза фосфоресцируют в темноте, но допускаю, что это привиделось от страха.

Над верхней губой виднелись тоненькие усики (как у итальянского мафиози, да-да!). Еще имелся прямой нос, резкие скулы, темно-зеленые глаза, жесткие черные волосы, придавленные треуголкой. Мужчина знает толк в моде. Жюстокор блестяще-черный, камзол – матово-черный, сорочка серебристая, жабо – белое с ярко-зеленым камнем. И эта красота оторочена серебристой вышивкой по бортам. Притален-

ный костюм сидел на мужчине идеально! Чулки обтягивали крепкие ноги, на которых красовались бархатные туфли с серебристой вышивкой.

– Ничего специфического. Сильная маскирующая магия, – промурлыкал Ксавье. От гипнотизирующего взгляда зеленых глаз у меня замерло сердце. Дрогнуло, а потом забилось быстрее.

Комиссар Рекс тоже что-то почувствовал и заерзал у меня на коленях, а потом тьякнул, на что получил шипение от Ксавье.

Жуть!

– Вы не любите соб... лютозверей?

– Маркиза, слово «любовь» неприменимо к монстрам, питающимся плотью, в которой еще не остыла кровь.

Я сглотнула комок и глянула на миленького щенка. Тот улыбнулся (да-да!) и состроил мордочку похлеще Шрековского кота. Вопросом его питания я пока не озадачивалась.

– Что вы имеете в виду?

– Он питается живыми существами. Куры, гуси, свиньи... люди. Подойдет любой, в ком течет горячая кровь. Она – основа их рациона.

Пьет кровь? Тоже мне невидаль! У меня подруга была, которая лет пять пьет кровь из своего мужика. Даже я с ней ругалась по этому поводу, а уж как он терпит – не пойму. И ничего, уживаются.

Лютый протестующе заскулил, заверяя, что ни один чело-

век не был им съеден. Пока что.

– Это пока, – словно понимая лютозверский язык, произнес Ксавье. – Но все может измениться!

– Уавф! – запротестовал комиссар.

– Поживем – увидим, – ответил Ксавье.

– Вы что, понимаете его язык?

– Скажем, я понимаю животных. Чувствую их сущность, – нараспев произнес Ксавье, поглаживая губы указательным пальцем.

– Тогда заверяю вас, что этот малыш не станет кушать людей.

– Уав-уав! – подтвердил он и послушно улегся у меня на коленях.

– Его поведение – удивительно, – задумчиво протянул мужчина, поглаживая указательным пальцем свои усики.

Какое-то время мы ехали молча. Я внимательно рассмотрела своих спутников и нашла их приятными молодыми людьми. Насколько молодыми? Пожалуй, уже за тридцать, но еще не сорок. Тот самый возраст, когда еще способен на свершения и подвиги, но вечером чувствуешь непреодолимый зов дивана. Да, в свои тридцать я уже ощущаю его коварную магию... А кровать – вообще маньячка, особенно рано утром в понедельник. Давно подумываю переехать на Кубань. Поговаривают, там обожают понедельники, потому что они не рабочие. Не верите? Гугл в помощь. И больше никакого тебе «понедельник день тяжелый». Понедельник – день

дивана и большого ведра с мороженым!

Поскольку интересующую меня тему так никто и не поднимал, пришлось сделать это первой.

– Вы поймали пришлого? – спросила с таким видом, словно пытаюсь развеять скуку. Пальцы лениво трепали дремлющего комиссара, а глазки скользили по мощеным улочкам классической средневековой Европы. За небольшими исключениями – везде цвели магнолии и сверкали магические огоньки, похожие на гирлянды.

– Нет. Удивительное дело, но в этот раз артефакты ошиблись. Перемещение, несомненно, состоялось, но... – Габриэл озадаченно развел руками. – Ксавье?

– Иномирных элементов в заданной локации не обнаружил. На всех запах родного мира.

– Вот и моя поисковая магия также. Парни, конечно, еще поищут, но сомневаюсь, что им удастся то, чего не смогли мы. Вы были там, маркиза, не заметили ничего странного?

– Странного? – делано вскинула брови.

Да что вы, меня всего-то перекинуло в альтернативное прошлое, чего тут странного? А потом девушка-воровка (что их с маркизой вообще связывает и как это мне аукнется?) упала с неба мертвая – тоже в порядке вещей. А еще меня хотели похитить, я столкнулась с принцем и обнималась с незнакомцем. При мысли о последнем сердце забилось чаще и в груди потеплело. Жаль, номерок не взяла, посидели бы в кафешке, пообщались, или в кино сходили. Интересно, как у

них тут вообще обстоят дела с культурно-массовыми мероприятиями и отношениями полов?

– Боюсь, вряд ли я помощница в этом деле. Я всего лишь снимала мерки с маркиза Эстьена.

– Вы швея? – полюбопытствовал Габриэл.

На что я, гордо вскинув подбородок, поправила:

– Модистка, мсье. Модистка.

– Как любопытно! Вы знаете, моя матушка как раз ищет новую модистку...

И разговор плавно перетек в русло моды. Оказалось, что матушка Габриэла – мадам Саржа – страдает гастритом или холециститом (ясное дело, о таких болезнях тут не ведают, но я это навскидку из перечисленных симптомов), и еще олень ведает чем (да-да, именно так и сказал), у нее вдобавок сколиоз, остеохондроз, что-то еще, и ей крайне тяжело носить привычные обществу платья. Не могла бы я, многоуважаемая маркиза, взяться за нестандартный заказ. Обычные модистки-де отказываются экспериментировать, а я, раз уж отважилась помочь мсье Эстьену, наверняка смогу...

– А что не так с маркизом?

Ксавье, показалось, зашипел, а Габриэл кашлянул в кулак и отвел взгляд.

– У этого господина довольно... специфические вкусы, необычная манера общения и странные нравы.

Не заметила ничего из перечисленного. Пожалуй, он оказался одним из наиболее адекватных встреченных мной му-

жиков. Приколист, оптимист, не лишен самоиронии, щедрый, к тому же. Со вкусом проблемы, погрешности в диете, но это поправимо. А еще послал воздушный поцелуй через сердце, но этим в обители все грешат.

– И он один из радикалов, которые проповедуют, что у оленя была олениха, – Габриэл усмехнулся.

Так усмеваются взрослые, когда дети просят написать письмо Деду Морозу. А я вот верю в него! Не в Деда Мороза, а в Святителя Николушку Чудотворца, потому что не единожды он меня выручал и помогал. Да и в Америке, например, Санта Клаус – Святой Николай. А у нас Дед Мороз какой-то. Что за дед, кто его отморозил, Снегурочка откуда взялась, где ее мать и куча других вопросов, на которые в детстве я так и не нашла ответа. Но я удалилась от темы.

– А вы так не считаете?

– Миледи, это красивая сказка – не более. Артехида создала хранителя нашего мира – оленя, и раз в круг он обходит свои владения. По месяцу гостит на каждом острове, а затем возвращается на Остров Начал. Все эти рассказы про неделю поисков и надежды, неделю слез, неделю ожидания и неделю прощания не более, чем уловка продавцов сувениров и артефактов. А еще питательный бальзам для умов романтичных барышень.

И тут настолько жирный намек на меня, что невольно возмутишься! Не знаю, как местная маркиза, но вот я возмутилась.

– И что такого? Да, мы верим в любовь. Разве это зазорно? И вообще, Артехида не могла так поднас... эм... подга... так поступить с оленем! – как же сложно подобрать приличные синонимы привычным земным выражениям. Они так и рвутся с языка! – Обречь его на вечные муки одиночества? А как же оленята?

Габриэл вскинул брови и рассмеялся.

– Право, миледи, вы великолепны! Байки про олениху – полдела, но оленята... браво, браво!

Он даже в ладони похлопал.

– Зря смеешься, друг, – донеслось из тени ласковое замечание Ксавье. – Животные одержимы страстным желанием обрести пару, и невыносимо страдают, когда какие-то причины их разводят. Это желание – быть вместе – продиктовано самым сильным инстинктом – сохранения и продолжения рода. Я допускаю, что Артехида могла создать двух хранителей.

– Тогда куда делась олениха? Умерла от старости? – усмехнулся Фома неверующий. – Хранитель такой силы не мог исчезнуть бесследно, а в Артехидии не существует никого настолько могущественного, чтобы ее уничтожить.

Ксавье смолчал, а я погрузилась в раздумья. Все это меня не касается, но история оленьей трагедии почему-то трогала. А еще какая-то традиция про недели слез и чего-то там такого! Увлекательно же! К тому же, все легенды и традиции основаны на реальных событиях. Детектив во мне говорит,

что олениха была, а значит, ее умыкнули!

Серьезно, Лена? Тебе надо дорогу домой искать, а ты тут в детективные расследования ввязываешься.

В интересном обществе за непринужденной беседой дорога закончилась быстро. Не знаю далеко ли мы уехали, но пятиэтажный особняк КпЗП, окруженный небольшими древесными посадками, соседствовал с богатыми резиденциями. Я представляла здание каким угодно: окруженным старыми кряжистыми дубами, с зарешеченными окнами, десятью степенями защиты и ротой местных солдат, вооруженных алебардами, но явно не выложенным из песочно-розового камня, с замысловатой лепниной и огромными, хоть и зашторенными, окнами. Скорее это особняк знатной леди или здание оперы, чем камера предварительного заключения пришедших. Вокруг цвели магнолии и дремали небольшие деревца и кусты. А неприхотливые хризантемы все еще алели на фоне снега. Напротив входа в КпЗП вообще уютная булочная с витринами во всю стену!

Сглотнула слюну и выдохнула. Есть хочется...

Ксавье почти сразу нас покинул, отговорившись делами. Облобызал мою ручку, заверил, что счастлив знакомству, даже небрежно потрепал Рекса двумя пальцами и ушел. Я долго смотрела ему вслед, пытаюсь понять, что не так с этим мужчиной. Его мягкая размеренная поступь напоминала кошачью. Мне казалось, что вот-вот из разреза жюстокора выглянет хвост, но...

– Ах, мсье Ксавье! Добрый день, – вздохнули дамы, хлопая ресницами и кокетливо поглаживая пальцами меховые накидки.

– Миледи, – мужчина приподнял треуголку и прошел мимо, разбив парочку сердец.

Я усмехнулась и повернулась к Габриэлу в немом вопросе.

– Ксавье, – он развел руками. Тоже наблюдал за сценой маленькой трагедии. Две леди ругались, на кого смотрел мсье, когда приветствовал. – Осколками разбитых им сердец можно выложить дорогу вокруг нашей планеты. Надеюсь, маркиза, вы не пополните эту дорогу своим сердцем? Надежд нет.

– Нет, ну что вы. Не мой типаж! Но есть в нем что-то... необыкновенное!

И снова в мыслях мелькнул бархатный камзол цвета красного вина. Сердце грустно сжалось.

– Идемте. Я покажу вам КпЗП, и даже немного приоткрою наши тайны!

Мне подставили локоть и распахнули резную дверь с выбитой на ней эмблемой КпЗП: падающая семиконечная звезда внутри щита в окружении цветков магнолии. Они тут, судя по флоре, в большом почете.

Что ж. Тайны – это хорошо. Может, КпЗП не такие уж и плохие, потому что Габриэл мне понравился и, пожалуй, мы даже рисковали подружиться. Комиссар Рекс придерживался того же мнения.

Я степенно поднялась по широкой лестнице, привыкая к новой манере существования. Именно так – существования. Новая действительность заставила стремительно подстраиваться под вынужденные обстоятельства, чтобы выжить, и в какой-то степени мне это даже понравилось. Галантные мужчины, изысканные манеры, великолепные интерьеры, шик и изящество, а еще титул и пятьдесят золотых в муфте! Не понравились только труп с неба и неудавшаяся попытка похищения, но вряд ли каждый день маркизы столь щедр на происшествия. Если верить Тургеневским книгам, в прежние времена господа вели довольно унылую жизнь.

Но только не маркиза де Бревно! Она шагала на второй этаж богато украшенного здания КпЗП и на ближайшие пару дней имела график плотный и впечатляющий: навестить мадам Саржу, пошить костюм для маркиза Эстьена, и умудриться выжить! Где уж тут выкроить время для поиска дороги домой, а главное – стоит ли вообще эту дорогу искать? Там меня ждет трехкомнатная квартира в кредит, одиночество и унылая работенка. Единственное, о ком скучаю – родители...

Откинув мысли о доме (на время!), с интересом озиравшись по сторонам. Пол выложен из дорогого паркета, стены оклеены шелком и сатином, на арочных окнах гобеленовые портьеры, на потолке изящная лепнина с позолотой. Обилие света, декоративные нюансы в виде ваз на постаментах, картин, зеркал или композиции из свечей, создавали ощущение,

что я попала в изысканный особняк, а не в офисное помещение с канцелярскими крысами.

Впрочем, меня уже терзали сомнения, что в КпЗП занимаются канцелярщиной. Мимо проплывали занятые господа с кипой бумаг или обрезками тканей и костюмами. Появилась немолодая леди с третьим глазом во лбу, но, заметив нас, побледнела и изменила направление.

– Вы улыбаетесь! – заметил Габриэл, неспешно провожая меня по анфиладе. Огромные окна выходили в оранжерею, где буйствовала цветочная жизнь: под стеклянным куполом порхали бабочки, цвели розы, пионы, гортензии и всевозможные растения.

– Это же обалд...

Обалдеть как сложно выражать эмоции красивым языком без жаргона!

– Это восхитительно, – поправила, наслаждаясь видом. – Но знаете, что мне любопытно? Вот вы говорите, что КпЗП защищает пришлых от злых людей и при этом смело заводит меня через главный вход. Как же они в живых-то остаются?

– Вы же не пришлая, – подмигнул он, и меня пробрало на сардонический смех.

Едва сдержалась, честное слово! Жестом попросила секундочку, чтобы справиться с эмоциями. Это ж надо! Товарищ из отдела поимок и поиска вводит через центральный вход попаданку и не знает, что она попаданка? Это я такая

крутая или он так себе профессионал?

– Прошу прощения! – ответила, посмеиваясь. – То есть, все так просто?

– На самом деле – очень сложно и первый год мы тщательно оберегаем инкогнито своих пришлых. И входят они через сеть специальных ходов, о которых вам знать не положено, – строгий голос, профессиональная улыбочка, а я, слушая в оба уха, понятиливо киваю. – Как вы знаете, через год их магический фон выравнивается и становится трудноотличимым от нашего. Они теряют привлекательность и не годятся для темных ритуалов. Поэтому известные вам пришлые спокойно существуют среди обычных людей.

– Известные мне пришлые?

Остановка. Выразительный взгляд.

– Да ну, не может быть! Ксавье?!

Почему-то сразу подумала на него. У меня не так много знакомых в новом мире, но только он разительно отличается от всех.

– Его нашли четыре года назад, совершенно случайно. Его, судя по всему, занесло по ошибке, зацепило с кем-то из пришлых. Родину Ксавье определить не удалось, – Габриэл облокотился о мраморную колонну и смотрел перед собой, будто обращаясь в прошлое. – С ним странная история произошла, вероятно, переход сильно повлиял на его сущность, и поэтому он стал...

Сообразив, что разговаривает с маркизой, а не коллегой

по цеху, Габриэл улыбнулся и тряхнул головой, отчего его белоснежные кудри весело подпрыгнули.

– Впрочем, это не важно.

– Важно! – выпалила поспешно, но тут же сбавила интонацию. – То есть, важно. Мне любопытна эта тема и, раз уж я оказалась внутри КпЗП, страстно хочу получше все узнать. Та женщина с третьим глазом, она узица? Ее пытали? Может, применяли запрещенные заклинания? Она вообще такая или стала жертвой экспериментов?

Габриэл посмотрел на меня как на леди со странностями.

– Откуда в вашей голове такие глупости?

Пожала плечами, начиная догадываться, что рыжая и господин, желавший меня умыкнуть, могли действовать заодно.

– Откровенно говоря, я бы хотела прояснить один момент. Мне подруга рассказала, что в действительности вы не защищаете пришлых, а используете их.

– Вы действительно так считаете? – уточнил мужчина, глядя на меня с легким укором.

– По незнанию считала, но теперь изменила мнение.

Скорее, это своеобразный островок безопасности для таких как я. С момента попадания произошло столько всего, что до сих пор в голове не укладывается. Из привычного мира меня окунуло в водоворот чужих страстей, с тайнами, обязательствами, какими-то темными историями, и я не представляю, что со всем этим делать. А Габриэл и другие специалисты КпЗП, кажется, представляют.

– Это место не похоже ни на камеру пыток, ни на исследовательский полигон. Думаю, вы делаете хорошее дело.

Из конца анфилады донесся душераздирающий детский крик.

– Асилия!!! – грозно прокричали в ответ.

– Ни за что! Не дамся живой!!! Не позволю над собой издеваться!!! Не-ет! – вопила девочка.

С укором посмотрела на Габриэла и кинулась на выручку ребенку. Не издеваются, говорит! Не ставят экспериментов, говорит!

– Асилия, живо ко мне!

– Изверги!!! – завопила девочка и снова завизжала.

– Маркиза, постойте, – донеслось вдогонку. – Да постойте же! Не открывайте ту дверь!

Куда там? Я ускорила и, когда с ноги распахнула двери, чтобы ворваться в комнату и спасти малышку (кстати, комиссар отчего-то не спешил броситься ей на выручку, а нехотя плелся за мной следом), озадаченно застыла.

– Я же предупреждал, но вы не послушали.

– И-и-изверги!!! – пропищало волосатое нечто, покрытое пеной и, распахнув крылья, с визгом кинулось на меня.

Габриэл среагировал первым и выпустил магическую сеть, а я так и стояла с открытым ртом, наблюдая, как бьется в истерике иноземное мохнатое животное с детским голоском.

– Асилия, это всего лишь ванна! – причитала женщина, похожая на горничную. Во всяком разе, черное платье с бе-

лым фартуком и воротничком красноречиво намекало на положение слуги. – Простите, мсье де Перон, Асилия не желает мыться.

Рекс только к этому моменту доплелся до нас и, плюхнувшись на попу, лениво почесал лапой за ухом. По комнате словно ураган прошел, всюду островки пены, вода и даже клоки шерсти, а у Асилии, уж не знаю, кто она, но похожа на смесь водолаза и летучей мыши, этой шерсти столько, что хватит одеть в носки небольшую сибирскую деревню.

– Л-лютоз-зверь? – пропел монстрик, заметив моего найденыша. Чудовище преобразилось до неузнаваемости: перестало вырываться, замурлыкало, зачванилось. Кажется, Асилия нагло клеила моего Рексика.

Парень замер с поднятой к уху задней лапой, мол, «это вы мне, госпожа чудовище?», а потом на меня посмотрел, словно переспрашивая.

– Она тебе, милый, тебе. Не поможешь этой очаровашке помыться? Вы, похоже, снюхались.

Рекс вздрогнул, икнул, шерсть на его загривке встала дыбом. Бочком, бочком и щенок спрятался за подолом моего платья, намекая, что сегодня у него не приемный день.

– Асилия, приказом комиссара все пришлые обязательно проходят процедуру очистки. Лайла будет нежна и осторожна. Продолжайте, Лайла, мы не будем вам мешать. Вы обязательно справитесь...

– Но, господин де Перон...

– Справитесь, – улыбнулся он, и поспешил закрыть двери.

Какое-то время мы шли молча, но все же совесть сделала свое дело.

– Извините. Я подумала, что там...

Габриэл усмехнулся:

– Издеваются над пришлым?

Виновато пожала плечами и остановилась.

– Маркиза, жизнь людей и нелюдей, волей случая или сознательных ритуалов попавших в наш мир – под угрозой. Наша задача найти их раньше... других, – уклончиво произнес он. – Попытаться выяснить откуда они и вернуть домой. Это наша цель.

Значит, рыжеволосая девушка та самая «другая», поэтому она с таким восторгом приняла новость, что я пришла. Наверное, прикидывала, сколько сможет на мне заработать и побежала сообщить подельникам? Недаром она мне не понравилась.

– А это возможно? Можно вернуться домой? Ну, в смысле, пришлому обратно в его мир?

Габриэл посмотрел на меня с интересом, и я поспешила натянуть на лицо глупую улыбку, изображая восторженную и недалекую девицу.

– Страшно любопытно и увлекательно!

– Да, маркиза. В этом нет секрета. Иногда нам удастся выяснить, из какого мира попал пришлый. Если нет данных об опасности той вселенной, и пришлый не против, мы пытаем-

ся произвести возврат. Получается редко, честно говоря.

Но шанс, значит, все-таки есть!

– А, если не получается вернуть?

– Тогда мы обучаем их и адаптируем к жизни в Арделии.

Та леди, с глазом во лбу, прибыла к нам из Делирии пять лет назад. Вернуть ее домой не получилось, выходить за пределы здания она отказывается, так и живет здесь, помогает по мере возможности, другим пришлым адаптироваться к новым условиям. Вам, наверное, сложно это понять, но люди при переходе теряют память, а иногда и одежду.

– Да что вы?

Память при мне, да и одежда тоже. Вот только тело мое где-то запропастилось! Наверное, при переходе что-то пошло не так...

– Поэтому они становятся легкой добычей. Голого дезориентированного человека в два счета находят наемники, некроманты и...

Габриэл упорно о ком-то молчал. И так страшно молчал, что с этими «И» мне повстречаться не захочется, а потому я решила признаться.

– Мсье де Перон! – воскликнула молодая леди.

– Я пришла! – наши голоса слились в один, но меня услышали.

Габриэл усмехнулся и погрозил мне пальцем:

– У вас специфическое чувство юмора, маркиза. Да, Ренни.

– Комиссар вернулся. Есть новости и доставили трель-птицу, только допросить ее вряд ли получится, потому что... Эм...

Девушка бросила на меня многозначительный взгляд, спрашивая молчаливое согласие у руководства говорить в моем присутствии.

– Поступим так. Ренни, ты помоги маркизе устроиться на третьем этаже, в зоне отдыха и составить заявление в жан-дармерию, а я разберусь.

– Конечно, мсье!

– И, маркиза. Думаю, вы понимаете, что мы не сможем выпустить вас без печати.

Ну, началось!

– Печати?

– Ренни все объяснит, мне нужно к комиссару. Будь гостеприимной, чтобы маркиза навсегда выкинула из очаровательной головки глупости про КпЗП.

– Думает, мы изверги и ставим над ними темные ритуалы?

Габриэл с усмешкой кивнул, подмигнул на прощание и оставил меня на попечение высокой темноволосой девушки. На вид ей лет двадцать, не больше. Румяная, круглолицая, с чуть вздернутым носиком, она провожала мсье де Перона влюбленным взглядом и теребила рюшки на фижмах. Платье из темно-красного сатина ей удивительно шло, а еще напомнило мне о втором по счету незнакомце. Его камзол цвета темного вина не желал выходить из головы. Да ладно кам-

зол! Проникновенный взгляд, полный уверенности голос и надежные объятия. Меня впервые торкнуло так, что до самого сердца! Вокруг полыхал ад, а я стояла в кольце его рук и понимала, что в полной безопасности. Лучше было, пожалуй, только в объятиях отца.

– Маркиза? – переспросила девушка.

– Простите, я задумалась.

– Я спрашивала – вы голодны? В зоне отдыха великолепный ресторанчик. Я могу заказать нам еду. Там так готовят мидий, створочки оближешь! – восторженно произнесла она.

Створочки оближешь? Серьезно или прикалывается?

По самым скромным подсчетам, в моей муфте сумма, которой хватит на небольшую забегаловку, не говоря уже о хорошем обеде. Чего уж там, и мидиями можно побаловаться, и лютого подкормить.

– Я не против. Но я ем довольно много...

Под много я подразумевала не семь мидий и кусочек лимона, а потому вслед за первой тарелкой пошла тарелка супа, а еще второе с поджарочкой и да, салатик с местными овощами. Разумеется, я не побрезговала и десертом из булочной напротив, все это запила крепким аналогом кофе. Корсет, конечно, пытался выпихнуть съеденную еду обратно, но я этому всячески препятствовала.

Лютый позабавился стейком с кровью. Ренни заверяла, что лютозвери едят исключительно живую еду с неостывшей

кровью, но мой найденыйш не жаловался. Смачно отрыгнул и лег дрыхнуть.

– Маркиза, у вас отменный аппетит. Вы, случаем, не в положении?

Я подавилась. Кусок бисквита перекрыл дыхательное горло и решил окончить мой иноземный путь. Пришлось вульгарно кашлять и перекинуться через ручку дивана, чтоб спасти себя от преждевременной смерти. Ренни переполошилась, подоспели официанты и пара мужчин в штатском. Я откашлялась и поспешила всех успокоить. Непривычно! В нашем мире на подавившегося человека и внимания не обратят. Ну, разве что он будет лежать и издавать предсмертные хрипы. Хотя, и тогда вряд ли помогут. Скорее все потянутся за айфонами и запостят происшествие в Инстаграм и Ютуб, сопроводив имоджиками. Вырождается русский человек!

– Вы уверены, что лекарь не нужен? – на всякий случай убедился незнакомый мужчина.

– Точно не нужен? – с нажимом переспросила Ренни, намекая на интересное положение маркизы.

– Нет, благодарю. Все хорошо.

Став местной знаменитостью, я несколько поумерила аппетиты, хотя на блюде уже остались только крошки. Допила кофе и постаралась обойти тему с беременностью, но девушка ждала ответа. Вот только... я понятия не имела, беременна ли маркиза! А что, если да? От того самого мужа, большого, толстого и любвеобильного?

– Не думаю, Ренни, – мы условились, что, как и все, я буду обращаться к ней по имени. В КпЗП не любят титулы и официоз. – Твой вопрос прозвучал неожиданно, поэтому...

– А вот я очень хочу детей! – мечтательно произнесла она.

– От мсье де Перона, – сорвалось с языка.

Ренни залилась краской и прикрыла рот ладонью.

– Неужели так заметно?

– Заметно. И что с того? Всегда считала, что женщина имеет полное право открыто выражать эмоции. Любовь не заразная болезнь, чтобы ее стесняться.

Девушка смотрела на меня с восхищением.

– Вот и я так считаю! И какая разница, что он брат главы КпЗП и руководитель отдела поимок и поиска?

Хорошо, что торт закончился и кофе тоже, а то бы я опять подавилась, и на этот раз смертельно. Серьезно?! Из всех людей этого мира я натолкнулась на брата главы КпЗП? На главу отдела поимок и поиска? Ничуть не удивлюсь, если и с ним я успела перекинуться парочкой словечек.

– Да хоть король! – произнесла, все еще переваривая информацию.

– Ну, нет. Король Лайонел крепко женат, да и стар, – сморщилась она и отставила пустую кружку. – По поводу печати...

Оказалось, все посетители КпЗП обязаны принять печать от комиссара. Это некое вмешательство в сознание. Товарищ вторгнется в мой мозг и заблокирует определенную инфор-

мацию, чтобы я не проболталась об увиденном, даже если захочется. Уверяют, что это не больно и абсолютно безопасно. От себя добавлю, что невероятно удобно, мы, женщины, едва ли способны держать язык за зубами.

Знакомство с Ренни оказалось полезным. Мы обсудили местную моду, завидных холостяков (с несколькими меня познакомили в ходе экскурсии по третьему этажу), содержание пришлых (с парочкой я даже пообщалась), составить заявление в жандармерию (немолодой жандарм усиленно строил мне глазки, поэтому я рада, что сбежала).

Да, в КпЗП имеется собственный жандарм «по делам общим и специфическим», что удобно, по словам Ренни. В отношении пришлых нередко совершаются преступления сразу по их прибытии в Арделию и это строго карается. Есть даже закон о повышенной ответственности за причинение увечий заведомо пришлому. Надо сознаться. Как возьму, как признаюсь! Только сначала уберусь от странноватого жандарма.

– Комиссар Рекс, идем! Скорее! – добавила нервно, убегая из кабинета. – До свидания, мсье Кури.

Так и подмывало сказать «прощайте!» но больно вид у мужика был потрясенный.

– Как ты назвала лютозверя?! – переспросила побледневшая Ренни, беря меня под локоть. Мы условились, что и ко мне она будет обращаться по имени.

Господа за столами в общей зоне тоже в изумлении под-

няли головы, рассматривая нас с лютозверем. И вовсе не мой потрепанный наряд их привлек.

– Комиссар Рекс. А с этим какие-то проблемы?

– Ты специально его так назвала? – переспросила она полупшепотом.

– Да.

Неужели в этом мире смотрели комиссара Рекса? Хотя, если смотрели, чему тогда удивляются?

– Ты невероятно смелая женщина!

Не замечала за собой такого. Подумаешь, дала собаке имя киношного героя.

– Не думаю. На самом деле я та еще трусиха. И, если уж совсем откровенно, еще и недалекая.

Ведь красочная вывеска того павильона как бы намекала: «вход только для оленей». Но нет же... поперлась. Взяла кредит и... Ай, все!

– Нет-нет, – хихикнула Ренни. – Наш начальник, конечно, любит необычных женщин, но ты – самая необычная. Думаю, он оценит. Не сразу, но оценит. Только вынуждена предупредить – если он проявит к тебе интерес, не обольщайся. Женщины в его жизни не задерживаются дольше недели. Это я по-дружески. А то начинаются потом плачи Артехидовы, заверения в вечной любви и угрозы свадьбой. Он жуть как не любит всего этого.

– А вы с комиссаром...

– Нет, что ты! У меня другой интерес. Я жду чистой и

светлой любви, а не интрижек на пару ночей.

Она мечтательно вздохнула.

Почему комиссар должен оценить кличку моего животного и почему я могу попасть на удочку его обаяния, не узнала, потому что мы подошли к его кабинету на четвертом этаже. За перегородкой из матового стекла, отделенный от общей зоны, располагался кабинет начальника КпЗП. Ни таблички на двери, ни чего-то выдающего, что бы отличало кабинет начальства от кабинета того же жандарма, я не заметила. Должно быть человек простой и непритязательный. Мне предстояло получить печать и инструкции по дальнейшему поведению после посещения КпЗП.

Ренни постучала, вошла первой, чтобы, так сказать, подготовить товарища к моему появлению, задачу поставить и все такое, а потом вышла и, смешливо глядя на комиссара Рекса, произнесла:

– Ну, желаю удачи! Только не зови лютозверя по кличке, ладно? Комиссар немного не в настроении.

– Хорошо, не буду.

И я честно не собиралась, но лютый ворвался в кабинет с такой прытью, что я вбежала следом, не успев даже представиться, предупредить о своем появлении и двери закрыть. Точь-в-точь как обычная человеческая собака, он стал принюхиваться, выискивая местечко, где бы справить нужду и решил, что коврик под столом – лучшее место. Пока комиссар занимался бумагами и стоял к нам спиной, пыталась же-

стами вразумить лютозверя, но тот уже пристроился, поэтому...

– Комиссар Рекс, не вздумай насрать под стол начальника! – упомянутый повернулся, пришлось извиняться. – Простите, он у меня парень воспитанный, но сегодня что-то... Вы?

«Воспитанный» парень уже вовсю демонстрировал великолепные манеры, и вряд ли представлялось возможным его остановить.

А передо мной стоял незнакомец номер два. Я не сразу узнала его без красного камзола, который небрежно валялся на кресле возле книжного шкафа, а сам обладатель камзола остался в белоснежной сорочке, провокационно обтягивающей сильное тело. От каждого его движения под матовой тканью перекачивались мышцы и зрелище, скажу я вам, завораживало похлеще текущей воды и горящего огня вместе взятых. Чего уж там, на то, как работают другие, и вполонину не так приятно смотреть, как на это великолепие.

– Здравствуйте, – опомнилась, поднимая взгляд чуть выше – к мощной шее, широким плечам, волевому подбородку, чуть тронутому щетиной. – Снова...

– Как вы назвали лютозверя? – строго спросил он, игнорируя приветствия и прочую лабуду со вводными обстоятельствами. Вот это я понимаю – сразу к делу. А что, собственно, такого-то? Подумаешь, еще один комиссар, только на четырех лапах и с хвостом!

– Комиссар Рекс.

– Издеваетесь? – переспросил мужчина после некоторой паузы.

– А похоже?

– Очень. Объясните, маркиза, зачем вы назвали монстра моим именем?

Теперь настала моя очередь изумляться. Он стебется или серьезно? Приснула со смеху, но оказалось – зря. Не стебется.

– Серьезно? Вы комиссар Рекс? – сложно не хихикать, знаете ли, в такой ситуации, но я честно пыталась.

– Серьезней некуда. Это звание я получил от жителей утеса Рекс. Сомневаюсь, что лютозверь удостоился той же чести.

Что вы, что вы! Ну и сноб! Он бы видел себя со стороны, с каким выражением говорил! Прямо прижизненная статуя самого себя: грудь колесом, мышцы бугром, выражением лица можно лед плавить. Хотя, нет, наоборот, водопады замораживать.

– Он мне жизнь спас, как и вы. Не делайте из мухи слона.

– Что вы имеете в виду?

Замечательно. Кого здесь нет – мухи или слонов? Или выражения?

– А я за печатью пришла! – решила выкрутиться и все же закрыла двери, потому что общая зона изображала стадо жирафов и честно пыталась не ржать. Теперь понятно, почему хихикала Ренни. Не могла, блин, предупредить? Неловко

получилось.

– За печатью, значит, – отмер комиссар Рекс и бросил на стол кожаную папку. – Жандарм принял ваше заявление?

И про похищение знает? Откуда? Габриэл донес?

По мне прошлись внимательным взглядом, задержавшись на оторванном рукаве, потрепанном кружеве и помятом по-
доле. И кто у нас тут еще жандарм?

– Принял. Пожалуйста, не кипятитесь. Подумаешь, люто-
зверя вашим именем... назвали... – взгляд комиссара потем-
нел. – Ладно. Молчу.

Вот так любовь с первого взгляда превращается в непри-
язнь со второго. Между нами прошелся холодок. Но что-то
мне подсказывает, кое-кто слишком остро реагирует или я
попалась под горячую руку. Вон у них попаданка из-под носа
сбежала, конечно расстроились тут все.

– Маркиза, я надеюсь, вы понимаете, что лютозверя в лю-
бом случае придется сдать?

Упомянутый вскинул морду, жалобно заскулил и виновато
(по-кошачьи) заскреб лапками, пытаясь зарыть конфуз.

– Друзей не сдают, – успокоила мохнатого. Хотя воспита-
тельную беседу он, конечно, заработал.

Мужчина устало потер переносицу и обратил на меня тя-
желый взгляд.

– Всю ответственность беру на себя! – заверила с готов-
ностью.

– Это безрассудно.

– Безрассудство – мое второе имя.

А первое я даже и не помню...

– Хорошо. Дело ваше. Но я советую сменить ему имя.

– Урк? – Рекс вопросительно склонил голову на бок и смешно приподнял ухо. Обычный щенок, чего они из этого трагедию делают?

– Меня все устраивает, комиссара – тоже. И вообще, если хотите, себе его поменяйте.

– Меня зовут Аделард, – то ли возмутился, то ли представился комиссар.

– Тогда вообще проблемы не вижу!

– Вы...

Помнится, в прошлый раз нас оборвали на той же ноте. Хотя, нет, нота была несколько ниже и другой октавы. Она звучала в тональности недовольства.

– Печать, – выдохнул комиссар, сохраняя поистине героическое самообладание. А мне-то рисовали образ страшный и воинственный. – И постарайтесь досконально вспомнить лицо своего похитителя. Я составлю магический портрет и передам в жандармерию. Мы быстро поймаем этого человека.

– Спасибо. Что мне делать?

– Расслабиться и не шевелиться, – сказал он и подошел вплотную.

Меня окутало присутствием сильного мужчины. Его спокойная надежность впитывалась каждой клеточкой чужого

тела. Пусть оно и чужое, и реагировало на комиссара однозначно, но душа-то моя, земная. И душа разве что не пела. Рядом с комиссаром я ничего не боялась, и отсутствие этого страха нельзя объяснить логически. Я безотчетно верила ему и все. И ощущение пугало, потому что никогда прежде я не испытывала ничего похожего.

Теплые ладони бережно коснулись моей шеи, плавно поднялись выше и сомкнулись на затылке. Взгляд голубых глаз завораживал. Я видела внутри них огонь (честное слово!). Язычки пламени таинственно мерцали и звали прикоснуться к ним. Поэтому, когда мужчина склонился ближе к моему лицу, я не стала сопротивляться и, закрыв глаза, тоже подавалась вперед.

Пусть целует!

Внутри все томительно сжалось, завязалось в тугой узел в предвкушении...

– Что вы делаете? – раздалось у моих губ, а потом комиссар для надежности отпрянул.

– Эм... а... вы?

Неловко-то как вышло. Щеки обожгло, и я тоже отшатнулась, насколько позволяли чужие ладони на затылке.

– Пытаюсь поставить печать. Вы что же подумали, будто я желаю вас поцеловать?

– Я? Пф...

Подумала, блин. Еще как подумала! А что нормальная женщина подумает в такой ситуации? Что ему хочется по-

нюхать запах моей помады что ли?

– Нет, разумеется. Просто... задумалась. Не обращайтесь внимания, давайте снова попробуем.

Я старалась сделать вид, словно меня ничуть не задела реакция комиссара, но получалось плохо. Я и на Земле собой хороша, а тут так вообще красавица, и чем ему не приглянулась? Сердце возмущенно билось в грудную клетку, а кровь плескала краску на щеки. Вдобавок, теперь не получалось смотреть в глаза начальнику КпЗП, а этого требовал протокол постановки печати, видите ли.

– Посмотрите на меня.

Не получалось. Я только что страшно оконфузилась и, хуже всего, мне безотчетно хотелось поцеловать малознакомого мужчину. Что это, любовь с первого взгляда или постстрессовое расстройство психики? Не-ет. Наверное, синдром оленя. Начинаю считать, что олень – это диагноз.

– Я вас не съем, обещаю.

– Кто бы сомневался. Вы так от меня отшатнулись, как будто это я пыталась вас съесть.

Вот теперь ресницы поднялись, и я подарила мужчине недовольный взгляд. Хотя видеть его лицо так близко к своему – то еще испытание.

Жарковато что-то!

– На что вы намекаете?

– Вы вообще любите женщин?

– Есть сомнения? – проворковал он бархатным голосом.

Пальцы на моем затылке стали мягче и нежнее. Стоп, Лена. Ренни предупреждала, чтобы я не попадалась на удочку этого оболбастителя. Я не против скрасить пребывание в Арделии легким курортным романом, но меня только что грубо отшили, а я, знаете ли, тоже не без гордости. Он женщин любит, но четко дал понять, что маркиза не в его вкусе. А она, между прочим, ого-го-го! По типуажу мы с ней похожи, значит, наши с комиссаром пути не пересекутся ни в какой вселенной.

Ладно, переживем. Тут, похоже, куда ни плюнь – в красавчика попадешь! А этот двуногий комиссар еще будет локти кусать.

– Обоснованные. Но давайте уже поставим печать и разойдемся?

Мне нужно восстановить чувство собственного достоинства. Мог бы хоть из уважения, не знаю, в щечку чмокнуть, чтобы не было такого конфуза.

– Для этого вы должны смотреть мне в глаза и не шевелиться. А, когда я скажу, воссоздать в голове образ того, кто за вами гнался. Поняли?

Смотрю в его васильковые глаза, как будто смутно знакомые, и плыву. Ощущение, что я гуляю по пшеничному полю, где среди золотых колосьев затесались ромашки и васильки. Что за наваждение?

Кашлянула и кивнула (гордая я или кто). Представила, что передо мной муж моей начальницы – толстый и не очень

добрый армянин. Помогло. Он, конечно, за мной не гнался, но мысли в кучку собрать помог.

Замечу, комиссар, чтоб его, делает великолепный массаж головы! Если так ставят печать, то дайте две! А лучше – три! Он то надавливал на затылок, то ласково поглаживал круговыми движениями, то проходил пальцами вдоль шеи, то поднимался к темечку. Может, еще массаж воротниковой зоны? Я заслужила после всего.

Вот только взгляд – отстраненно-пустой – напоминал, что я не на сеансе релакса, а на ответственном, между прочим, мероприятии. И плечи, поясница, щиколотки и все, что выстроилось в очередь, могут расслабиться. Ну, то есть, не расслабляться, потому что им не обломится. Все. Собралась. Ставим печать!

И тут началось.

Голову прострелило от уха до уха. Так погано и беспощадно способны болеть только зубы, думала я прежде, но оказалось – не только они. Прострел повторился. Пискнула, но мягкие пальцы обвинили мою голову железными тисками. Я почувствовала себя жемчужиной, застрявшей в собственных створках, только эти створки решили меня раздавить.

– Почему вы не сказали! – возмутился комиссар, снова меня отталкивая.

Да я что ему, мячик? Хотя, спасибо – боль схлынула, но я все равно приложила ладони к вискам и бережно себя погладила.

– А что я должна была сказать?

Комиссар вглядывался в меня, как ученый в мышь после неудачного эксперимента: подохнет или жива останется. Ренни говорила, что печать не опасна и боли не будет.

– Что-то не так? – переспрашиваю с невинным выражением лица. Понимаю же – не так и, кажется, комиссар теперь тоже это понимает.

– Назовите правящую династию королевства?

– Де Рюшоны. Я сегодня обидела принца Ламмерта, он сильно злопамятный?

– Хранитель мира?

Я вздернула бровь. У него что, с памятью проблемы?

– Олень, конечно же. Но я все-таки считаю, что Артехида создала и олениху, ее просто умыкнули. А вы как думаете, комиссар? – прорычала обиженной волчицей.

– В какой стране мы находимся?

С каждым моим ответом он мрачнел все сильнее.

– Арделии. У вас проблемы с памятью или что?

– Откуда ты? – спросил он напрямую, обличительно ткнув в меня и пальцем, и местоимением.

– С Земли.

Аделард снова обхватил мое лицо ладонями и разглядывал так, как я впервые разглядывала драконий фрукт. Красиво, необычно, но нафига он такой?

– С Земли? – переспросил комиссар. – Снова издеваешься?

– По-моему, неприлично обращаться к малознакомой маркизе на «ты». Или мы любовники? Хотя, будь мы любовниками, вы бы не стали меня так вульгарно отталкивать.

– Я не успеваю за ходом мыслей в твоей... вашей... в твоей голове! Объяснись! Мы все – дети земли, но я чувствую в тебе чужую энергию. Совсем молодую чужую энергию!

Он убрал руки от моего лица и ждал ответа.

– Земля – это моя планета, – пожала плечами, поправляя кружево на лифе платья. – Я призналась Габриэлу, что пришла, но он не поверил.

Но меня все же больше интересовал вопрос – любовники ли комиссар и маркиза? Почему он нет-нет, но обращается к ней, то есть ко мне (или все же к ней?) на «ты».

Комиссар нажал зеленую кнопку на своем столе и произнес:

– Габриэл, Шаонэлл, немедленно ко мне с отрядом очистки! У нас пришла.

И взгляд такой на меня – пристальный.

Комиссар Рекс, тот, который характером получше, вскочил на лапы и встал передо мной, выпятив грудь. А я тактически попятилась к двери.

– Отрядом... гхм, зачистки?

– Очистки, Траяна, или как там тебя зовут. Присаживайся.

– Я лучше спасусь бегством.

– Забыл, твое второе имя – безрассудство. Ты одна в чу-

жом мире и за тобой охотятся. Выйдешь через центральные двери КпЗП и направишься... куда? В дом маркизы? Где в тебе с порога узнают пришлую. Но дело даже не в этом, – он сложил руки на груди, а я медленно опустилась на диван у стены и смотрела в пустоту перед собой. – Я могу навскидку назвать семь сотен ритуалов, для которых нужна энергия пришлой и, поверь, высвобождается она способами, далекими от гуманных.

Я сглотнула, а комиссар Рекс запрыгнул мне на колени и ободряюще уткнулся влажным носом в мое декольте. Я имею в виду комиссара с четырьмя лапами, конечно же.

– Двери моего кабинета открыты, держать тебя силой я не стану. Если хочешь уйти – уходи.

– А вы хотите, чтобы я осталась?

– Ур-рк? – Рекс вопросительно поднял морду.

Лена, потрогай голову, кажется, там выросли рога. Только почему я смотрю в глаза комиссара старшего, и мне до отчаяния хочется услышать его спокойный с хрипотцой голос «останься, я помогу, защищу, спасу тебя, укрою от всех бед этого мира и на ручках отнесу домой»! Что ему, сложно что ли? Это все же комитет по защите попаданок!

Мне всегда казалось, что у меня в груди кусок льда и все рассказы подружек о лопающихся трусах, трепетании в животе, слабых коленках и прочем – отличный повод навестить невролога или психотерапевта. Это больше напоминало список симптомов неприятной болезни, чем глубокого чувства.

Наши же отношения с Ромкой походили на кружок по интересам. Постель мы делили по великим праздникам и, признаться, больше из любопытства, чем по страсти. Ее, к слову, вообще не было. Он слишком быстро понял, что любит мужчин, а я поняла, что не люблю мужчин в принципе. И женщин – тоже не люблю. Вообще не люблю никого, кроме себя. Как-то так, наверное. Ну, и еще немного соседскую кошку Маркизу. Она хоть и со скверным характером (любит нассать под дверь, хоть и старательно делает вид, что это не она), но всегда дается погладить, если на душе ее сородичи скребут. Сейчас очень скребли и сырого носа Рекса в декольте мне, увы, не хватало.

Пресловутые неврологические проявления подступающего инфаркта не давали покоя: колени тряслись, пальцы дрожали, губы похолодели, лоб покрылся испариной, в груди ломило. Ответ комиссара я ждала с непривычным волнением. Жаль, что он не испытывает и капли тех чувств, что довелось испытать мне. Если, судьба, это твой новогодний подарок, то «спасибо» тебе большое. Только безответной любви не хватало для полного счастья!

– Я хочу, чтобы ты осталась, – уверенно произнес мужчина, присаживаясь рядом и приближая мой сердечный приступ. – Потому что не желаю тебе смерти.

– Ты совсем олень, да? Или просто бесчувственный чурбан?

Или слепой! Или делает вид, что не замечает!

К счастью, ошеломленный моим откровением, комиссар ответить не успел, в кабинет ворвались Габриэл и второй, как его там. А комиссар, меж тем, смотрел на меня, пытаясь в глубине моей души отыскать причину гнева.

– В моем мире это почти что комплимент, – наконец произнес он.

– Утешай себя незнанием, что это значит в моем мире!

Мало того, что отшил, так еще и потешается!

– Моем мире? – переспросил «как его там», застывший вместе с братом комиссара Рекса-старшего. Двух вижу, а отряд зачистки где потеряли?

– Так, значит, вы не шутили? – озадаченно спросил Габриэл, по-хозяйски вваливаясь в кабинет.

Я вспомнила о правилах приличия и, ссадив комиссара Рекса-младшего на пол, поднялась.

– Никаких шуток. Перед вами – пришедшая с Земли. И что мы будем с этим делать, господа?

Смешно, но господа из комитета по защите пришлых не представляли, что делать. Стандартный алгоритм «УНА»: успокой, накорми, адаптируй в моем случае не подходил. Во-первых, я спокойна, во-вторых, сытно покушала, в-третьих, легко адаптировалась без посторонней помощи. Дополнительный протокол: поймай, одень, адаптируй – тоже мимо. Пришла сама и даже в одежде, про адаптацию все и так поняли.

На деле мужчины спорили. К слову, «как его там», то есть

Шаонэлл, судя по всему начальствующий по вопросам адаптации мне подобных, оказался рослым детиной. Не знаю, каким образом они тут адаптируют пришлых, но для него согнуть меня в бараний рог, а потом завязать узелочком или на бантик не составит особого труда. Дядя имел блестящую лысину, несколько шрамов на голове, лицо, меж тем, обремененное интеллектом и даже обрамленное очками (не обрамленными оправой). С подбородка свисала густая борода. Растительность пыталась вскарабкаться и на квадратный подбородок, но то ли там ее усердно сбрасывали, то ли генетика такая – не росло. Ни под носом, ни на щеках, только с подбородка.

В общем, как-то так. Не хочу я у него адаптироваться. Брр. И голос у него грубоватый, и манера речи, скажем прямо, непримиримая. Предложил меня «зачистить, сканировать и испытать». Ни первое, ни второе, ни третье мне не понравилось. Комиссар Рекс ходил по кабинету взад-вперед и нервно чесал задней лапкой за ухом. Я же теребила рюшки на платье и с волнением ждала вердикта, отметив про себя, что Габриэл и Аделард хоть и братья, но разные настолько, что и не заподозришь в родстве.

Суть проблемы заключалась в том, что я единственная пришедшая, потерявшая тело, но сохранившая память. На деле все выходило наоборот: при переходе людям и нелюдям напроочь отшибает память (а, некоторым, еще и мозги), у большинства срывает одежду, и абсолютно все сохраняют оригина-

нальную оболочку (в терминологии Шаонэлла). Но меня мало того, что занесло в тело местной маркизы, так еще и с сохраненной памятью!

Меня с пристрастием допросили обо всех обстоятельствах перехода, не касаясь пока особенностей моего мира. Зачистить, сканировать и испытать Аделард вызвался самостоятельно.

– Я бы предпочла, чтобы этим занялся Габриэл!

– Почему?

Узнав о моей специфической прищлости, блондин несколько изменил ко мне отношение. Исчезла прежняя легкость и непринужденность. Теперь ко мне относились как к бомбе с часовым механизмом. Никто не знал, что произойдет, когда таймер дойдет до нуля. И самое страшное – я тоже не знала. Я смирилась с мыслью о прищлости, но особенная прищлтая – это, знаете ли, жутковато. Обычно в книгах такие особенности хорошим не кончаются. Нас хотят либо съесть, либо убить, либо принести в жертву. И в списке этих желаний ни одного хорошего глагола.

– Потому что я влюблена в комиссара Рекса, но у Аделарда аллергия на чувства.

Господа напряглись и переглянулись. Стрельнули глазками на начальника, на меня, снова на начальника.

– Я про младшего комиссара Рекса. Его люблю.

– Младшего комиссара Рекса? – усмехнулся Габриэл. Щенок довольно твякнул и потерся о подол моего платья. – Ду-

мал, парни из аналитики неудачно пошутили.

– Нет. Это всего лишь я удачно дала кличку своей собаке. Да, господа. В нашем мире те, кого вы зовете лютозверь, называются собаками. И собака есть едва ли не в каждой семье. И уж ни одно домовладение не обходится без такого защитника. Они играют с детьми, охраняют дом, помогают инвалидам, на них можно передвигаться и вообще, собака – друг человека.

– Дружба с едой? – удивился Шаонэлл. – Миледи, вы говорите невероятные вещи. Зачем им играть с едой, охранять жилище еды и помогать еде?

– Может, потому что собаки не едят людей? Бывают редкие случаи нападений, но всегда есть какая-то причина. Да и не едят они, просто кусают.

– Причина быть съеденным – безрассудство. И вас ожидает такая участь, если вы не сдадите лютозверя ловцам! – нервно заметил Аделард.

– Я лучше вас сдам куда-нибудь, – процедила язвительно, заступая щенка. Вот ведь заладили, изверги!

Но о щенке быстро забыли и все занялись его хозяйкой. Мы с Рексиком снова смотрели кино из обремененных властью мужчин, решающих мою судьбу. Мои жалкие реплики встречали скептическими взглядами, ухмылками и снисходительными кивками, посему вскоре я утратила какой-либо интерес к обсуждению. Да и толку, если я не понимаю и половины терминов – про всякие там эманации, волны, стру-

ны, слои, параллели и перпендикуляры вселенных. У меня с физикой и химией в принципе не ахти, а тут еще иномирная наука! Пусть мужчины разбираются, а я дождусь вердикта.

Пока разглядывала кабинет начальника, благо было на что посмотреть! Стены искусно отделаны деревом: тут и колонны, и ниши, и молдинги с изящно вписанными внутрь атласными обоями цвета свежей листвы. Я сидела на стеганом диване из темно-коричневой кожи и с любопытством рассматривала тонкую пластину на стене под аркой. Она напоминала плазменный телевизор, но очевидно, не имела ничего общего с развлекательными передачами. Если приглядеться, под серой пеленой угадывались очертания каких-то объектов, и они шевелились – похоже на живую карту!

За мужской беседой, напоминающей спор, я рассмотрела и окно во всю стену, завешенное простенькими порттьерами из темно-зеленого гобелена, и старинные шкафы со стеклянными дверцами. Они лаконично вписывались в деревянную обшивку стен и, казалось, обнимали весь кабинет – так их было много! А сколько внутри разнообразных книг, папок, свертков и колбочек! Любопытненько.

Вдоволь насмотревшись на изящную, и при этом скромную обстановку кабинета начальника (это если учитывать ту роскошь, с которой я познакомилась в Арделии раньше), я заскучала, но мою скуку быстро развеяла ожившая пластина на стене. По ней прошла красная рябь, артефакт пикнул, еще раз, еще и еще. Экран вспыхнул, задрожал и, словно в шпи-

онском боевике, начал поиск координат. Во всяком случае, красный огонек скользил по карте Арделии, словно выискивая кого-то. Мужчины оборвали разговор и напряженно следили за сигналом. Огонек прыгал с одного места на другое, а потом замер и вспыхнул золотым светом. Артефакт заверещал похлеще цыганского табора на распродаже ковров.

Начальствующий состав переглянулся и, обменявшись многозначительными взглядами, разошелся. Точнее, Габриэл улетел, разве что не выбив плечом двери, а Шаонэлл буркнул, что разработает программу специально под меня и покинул кабинет.

– Это то, о чем я думаю? – спросила осторожно, разглядывая золотистую точку на карте. Не могу похвастаться умением их читать (хотя отец пытался безуспешно научить меня этому), но, кажется, очередной пришлый вывалился едва ли не в центре города.

– Обделен умением читать чужие мысли. К сожалению, – задумчиво произнес Аделард и коснулся ладонью артефакта.

Экран вновь подернулся рябью и перешел в режим ожидания – стал серым.

– Новый пришлый?

– В последнее время, вы сыплетесь на нашу голову как из рога изобилия – не успеваем отлавливать, приводить в порядок и отсылать обратно, – он устало усмехнулся и опустился на стул рядом с журнальным столиком. Шаонэлл принес с собой черный чемодан, да так и оставил. Сомневаюсь, что

мне захочется узнать, что там внутри.

– Интересная у вас работа, но я все же напомним о себе, – помахала рукой, привлекая внимание задумчивого начальника КпЗП. Выглядел он неважно, как отец после много-суточного дежурства: плечи сникли, во взгляде – отрешенность, вокруг глаз рассыпались морщины, а лицо побледнело. Кому-то не помешает полноценный сон.

Аделард растер лицо ладонями, изящным движением поднялся и подошел к книжному шкафу. Внезапно проснулось желание к литературе? Увы, проза жизни. В тяжелые моменты мужчин всегда тянет выпить. Только пузатая баночка с длинным узким горлышком мало походила на алкогольный напиток. Даю руку на отсечение, что там зелье. По кабинету разлился приятный аромат, напоминающий кофе с корицей и гвоздикой – пряный, терпкий, с горчинкой.

– Понимаю, что это не мое дело, но мне кажется, ты сейчас чем-то не тем занимаешься.

– Всего лишь поддерживаю силы. Даже сильнейшим магам порой требуется подпитка.

– Мгм, – хмыкнула, прекрасно зная, чем кончаются такие подпитки. Отец рассказывал про сослуживца, который дошел до такого маразма, что во время дежурства колол себе адреналин. Плохо это кончилось. Зато он отлично отдохнул – в морге. И теперь отдыхает на центральном военном кладбище.

Комиссар Рекс с энтузиазмом подлетел к Аделарду и, за-

рычав, бросился на него. Мужчина отпрянул, не ожидая такого напора и едва не выронил колбу. Зато мой четвероногий друг не мешкал – схватил хрустальный пузырек зубами и швырнул на пол с такой силой, что тот рассыпался на мелкие осколки.

– Уав-фф! Уав, уав!!! – рычал он, пытаясь зарыть следы преступления под ковер.

– С исполнением ты перестарался, но в целом – поддерживаю, – похвалила малыша.

Аделард не оценил беспорядок в своем кабинете, который, впрочем, легко устранил. Он направил в пол ладонь, и она просияла алым. Свечение потянулось к осколкам и попросту растворило их, оставив пряный аромат. Ничего себе умения! Есть у меня робот-пылесос Васька, но это ни в какое сравнение не идет!

– Я согласна с комиссаром Рексом, не стоит тебе это пить. Побереги себя.

– Хорошо, дорогая, – съязвил он, изображая послушного мужа.

Капитулировала и подняла ладони кверху.

– Ладно, это не мое дело. Ты главное на любовнице не скончайся, у меня на тебя большие планы. Ну, в смысле, я планирую, что ты вернешь меня домой.

По лицу начальника КпЗП скользнула некая эмоция. В отличие от отца, я не умею читать мимические проявления мыслей, но у меня засосало под ложечкой. Нехорошее пред-

чувствие!

– Ты ведь вернешь меня домой?

– Вы, женщины, любите форсировать события. Давай не будем торопиться и начнем по порядку. С очистки.

– Подожди-подожди! Что значит, не будем торопиться? – я порывисто поднялась, чувствуя очередную ипотеку. Да что там! Отсутствие ответа бесило даже больше, чем бесконечная капча от Гугл!

– Отправить человека в его мир не то же самое, что сходить в магазин. Для этого необходимо выполнить ряд условий, – дипломатично произнес он, избегая встречаться со мной взглядом. И на этот раз никакой связи с неловкостью от недопоцелуя – мне ввали! Точнее – недоговаривали!

– Ты сейчас говоришь как чиновник, который пытается запудрить мозги народу! Вернешь или нет?

– В немагический мир, без помощи с той стороны, без истинного тела...

Он не ответил толком, но и этого хватило, чтобы я осела на диван и уставилась в пустоту. Как же родители? Как же моя квартира? Как же работа и дворовая кошка Маркиза, наконец? А кредит? Ой, ну вот о чем горевать не буду, так это о кредите, хотя, честно говоря, я бы вернулась только за возможность дать Жорику по яй... отомстить, в общем.

Аделард сел передо мной на корточки и, обняв мои ладони, заставил поднять на него взгляд.

– Повторю – не будем форсировать события. Я не соби-

раюсь давать тебе пустых обещаний, но могу гарантировать, что сделаю все, чтобы защитить и помочь.

Уголки его губ дрогнули в усталой улыбке, а потом мужчина поднялся и подошел к черному чемодану, забытому Шаонэллом. Или не забытому?

– Отряд очистки, – произнес он, коснувшись артефакта.

Ну, сейчас начнется! Будет яркая вспышка, после которой я ничего не вспомню? Люди в черном и все такое... Ведь, если бы мог вернуть – он бы так и сказал! А раз уклоняется, значит ничего мне не светит и придется обживаться в новых условиях. Надеюсь, дом маркизы не в ипотеке? Я придурковато хихикнула, представив такое грандиозное попадалово. Ну не-ет. Такого не может быть просто потому, что не может. Боженька, пусть хотя бы в этом мире мне повезет!

Все мысли растворились, когда чемоданчик распахнулся. Из него один за другим стройной шеренгой выползли семь маленьких человечков с крылышками и в смешных колпаках с бомбошкой на конце.

– Это же... это... эльфы?! – изумилась, прикрыв рот ладонями.

Я как ребенок, увидевший Санта Клауса вживую! Блин, самые настоящие эльфы! Маленькие чудики выпрыгнули из чемодана, прошествовали по журнальному столику и уселись на край столешницы, свесив худые ножки-палочки в зеленых балетках.

– В вашем мире тоже есть эльфы? – с надеждой спросил

Аделард.

– Нет, в моем мире есть авторы, которые пишут про них книги, – я подошла ближе к волшебным человечкам и с удивлением рассматривала. Совсем крошечные, меньше ладони, но такие настоящие! Маленькие носики, глазки, реснички даже! Потрясающе! Ребяшня косилась на меня, как на ненормальную, и курлыкала на непонятном языке. – Например, Наталья Жильцова. Она нередко пишет о женщинах, попавших в такую же задни... нехорошую ситуацию, как и я. В ее книгах есть и эльфы. Да так она хорошо пишет, что даже, поговаривают, на золотой унитаза заработала!

– Это литературная награда? – деловито осведомился собеседник. Подняла на него удивленный взгляд, но он не шутил.

– Эм... ну, можно и так сказать.

– Она тоже пришлая? Путешествовала между мирами? Ее научные книги признаны межмировым сообществом или описывают теорию?

– Это любовное фэнтези, – поправила с улыбкой. – Выдумка.

Аделард разочарованно выдохнул.

– Значит, женщины всех миров одинаковы.

– Что ты имеешь в виду? – подарила мужчине грозный взгляд, позабыв об эльфах. Внутри поднимался феминистский флаг и разгоралось пламя революции.

– Не испытываете тяги к интеллектуальному чтиву, – обы-

денно просветили меня.

Ну-ну, моя мама с научной степенью с удовольствием по-
дискутировала бы с ним на эту тему. Да и мне в университете
пришлось немало талмудов перечитать, чтобы получить за-
чет по философии. Спросите, зачем модельеру философия?
А мне почему знать. Для общего развития, видимо. Порас-
суждать, пока шьешь, что первично: шпулька или челночок,
обметка или стачивание, от лукавого ли клеишь и все в таком
духе.

Воинственно шагнула вперед, а феминистское знамя во-
сю реяло на задворках сознания. Что за убогие представ-
ления? Если женщина, значит, интеллектуально ограничен-
ная? Да ты попробуй создай целый фантазийный мир! Или,
хотя бы, свадебный наряд. Это на словах все просто...

– Да ты, знаешь ли, тоже не создаешь впечатления науч-
ного светила!

Научный светил скрестил руки на груди, когда я оказа-
лась слишком близко. Оценила жест и отступила на шаг.

– Ладно, может и создаешь. Немножечко. Самую малость,
но это же не дает тебе права издеваться надо мной? Да, люб-
лю любовные романы! А где современной эмансипирован-
ной женщине еще почерпнуть чувства? С каждой новой кни-
гой я влюблялась заново и переживала трепетные чувства,
которых не встретишь в реальности. Вы, мужчины, не спо-
собны ни на что, кроме поступательных движений в горизон-
тальной плоскости. Для вас отношения кончаются и ограни-

чиваются постелью!

– Все ясно. Ветреность и романтизм свойственны дамам твоего возраста, – меня щелкнули по носу. – Была замужем?

– Нет, – усмехнулась и закатила глаза. – Что я там забыла?

– Не удивительно – завышенные ожидания. Любви как в книгах не бывает. Нет идеальных мужчин, идеальных женщин, идеальных отношений и идеальных ситуаций. Это жизнь. Нужно трезво ставить цель и идти к ней, понимая, что ты ждешь от союза.

– Сказал эксперт по отношениям! Ты хоть запоминаешь лица тех, кто бывает в твоей постели?

Теперь мне пришлось отступить. Взгляд Аделарда сделался хищным, словно я маленькая аппетитная рыбка на пути голодной акулы.

– Если ты стремишься там оказаться, тебе стоит сбавить обороты, – произнес он, нависнув надо мной опасной скалой. – Излишне навязчивые женщины вызывают желание держаться от них подальше.

Я едва не задохнулась от возмущения. Это же надо! Каков подлец, а? И вообще, это он меня к стене припирает, а не я его!

– Ты противоречишь сам себе! – не без удовольствия отодвинула комиссара ладонью и обошла. – Если у меня и промелькнуло к тебе какое-то чувство, вызванное, надо полагать, передозировкой Жильцовою, то ты его напрочь выхлостил. Спи с кем хочешь, и я список твоих достижений не

пополню, даже если будешь ползать на коленях и умолять об этом.

Усмехнулся, гад.

– Я, умолять? У тебя великолепная фантазия.

Это стало последней каплей!

– Я лучше прогуляюсь. Комиссар Рекс!

– Уавф! – поддакнул тот и вздернул подбородок. Смышлениш знал, что делал, когда напрудил под начальственный стол.

Кажется, он хотел повторить подвиг, но я вовремя осекла:

– Не будем опускаться до мелкого пакостничества, милый.

Хотелось добавить, что попозже напакостничает по-крупному, но я же местная маркиза. Не солидно!

– Траяна, постой, – донеслось вслед.

– Лена! Меня зовут Лена Гордеева. Гордеева – от слова «гордость». У меня она, знаешь ли, тоже есть. Не знаю, как в вашем мире относятся к женщинам, но у нас за такое скотское поведение можно и по морде получить.

Аделард примирительно поднял ладони.

– Вы правы. КпЗП – свободная от этикета зона, но, действительно, не стоит забывать о приличиях. Тем более, в нашей ситуации. Предлагаю начать обучение именно с азов этикета, мадемуазель.

От приторного «мадемуазель» меня перекривило, будто на зубы попал песок. Жуть! Нет, серьезно. Я еще понимаю барышня, девушка, леди, но мадемуазель... явно не мое.

Выдохнула, приводя чувства в порядок. Они несколько потрепались от всего произошедшего, но, шпулька побери, я имела на это право!

– Я понимаю, у вас аллергия на чувства. Заверяю, никаких не осталось. Вы все вытравили напрочь! Лучше дихлофоса.

– Лучше чего?

– Кхм, кхм. Господа хорошие, вы такие миласечки, но чиститься будем или где? – пропищал один из эльфов с таким видом, словно посмотрел трехсот пятую серию Санта Барбары, а сюжет все топчется на месте.

Эльфы стройным рядочком сидели на краю столешницы и смотрели нас с Аделардом как трагикомедию с элементами мелодрамы. Дешевенькую такую. Возможно, даже Индийскую и мне казалось, что скоро я заплашу, и откуда-нибудь выскочит толпа ряженных в сари дамочек.

Что за болезненное воображение вообще?

Я потерла виски – разыгралась мигрень, хотя я не трепетная лань и обычно такими вещами не страдаю.

– Что это за чистка такая и насколько она мне нужна?

Аделард присел на край рабочего стола и устало расстегнул верхнюю пуговицу сорочки. Зря это он. Я заморожено следила, как и вторая перламутровая пуговица покинула петлю и в распахнутом воротах виднелся треугольник мускулистой груди. Вот подстава-то!

Сглотнула, отводя взгляд. Ну, Наташа! Зачем я только книги твои читала? Ты, блин, тоже, наверное, в другом мире

бывала, Аделард же вылитый лорд, архимаг, дракон и вообще все это вместе взятое! Прямо с натуры списывала.

– При переходе из одного мира в другой, аура подвергается гипервоздействию мидоваскулярных частиц эндиариотной подслойки третьей подкосмической системы, – этот бессвязный набор букв он произнес скороговоркой и посмотрел на меня на полном серьезе.

Я придурковато хихикнула уже второй раз за последний час. Вроде не дура, но... серьезно? Эндомидо... чего?

– Ну, раз все так, то конечно, стоит очиститься.

– Удалим грязь с твоей ауры! – задорно перевёл один из эльфов.

– Быстро, эффективно, с гарантией! – подхватил другой.

– Никаких вредных эффектов перемещения, – заверила, кажется, девочка.

– И мигрень пройдет, и псориаз, и блохи, и... все остальное, – пообещал четвертый, поиграв бровями.

Псориаз? Блохи?! Остальное? А ведь мигрень началась, да такая, что голова трещит словно перезревший арбуз в руках опытного торговца.

– Все четко, без побочных эффектов! – серьезно заверил пятый.

– Постоянным клиентам скидки! – пискнул еще один, поправляя спадающий на глаза колпак. Соседний эльф дал ему затрещину и возмутился.

– Ты че несешь? Забылся? Мы в КпЗП. Все исключитель-

но за так, господин начальник, – уверил серьезный эльф, перепуганно глядя на Аделарда. – На добровольных началах, никаких душ не надо, можно даже без жертв и крови.

– Ну одну, маленькую-то... частичку ауры...

– Сысалий, молчи, а! – процедил сквозь зубы его сосед, не переставая лучезарно улыбаться.

– Жертвы? – переспросила, отступая к двери. – Кровь?

– Маркиза, ваши ноги живут собственной жизнью? Боюсь, вы вынуждаете меня запереть двери изнутри, – с едва заметной улыбкой произнес комиссар.

– Вот только не надо мне угрожать! И какой в этом смысл, когда в вашем кабинете великолепное окно во весь рост!

Эльфы захихикали и двое дали друг другу пятью.

– Один ноль в нашу пользу.

На нас делают ставки? Seriously?

– Это какие-то неправильные эльфы! – я обличительно ткнула пальцем.

– Не похоже, чтобы у вас был большой опыт в общении с этим редким народом. Обещаю, я смогу вас защитить, – насмешливо произнес он.

Все равно неправильные эльфы!

– Отряд эльфов к делу готов!

Меня особо не спрашивали, поэтому дружно растопырив крылья, мелкие пакостники взялись за работу. Они кружили вокруг с энтузиазмом мошкары, учуявшей добычу, разве что не кусали. То садились на меня, то мимолетно касались кры-

лышками, то гладили малюсенькими ладошками, то пинали ногами (серьезно!). В общем, мелкотня отрывалась вовсю, и ничем не ограничивала свою фантазию. Рекс младший игриво гонялся за эльфами, а старший оставил меня на попечение крылатого отряда и сел за стол разгребать бумажный завал. Начальник – это не только высокая зарплата, положение в обществе и шлейф из возбужденных девиц, но и тонны бумажной работы. Сдается мне, этот ловелас чаще спит с бумажками и колбами, чем с живой женщиной. Эх, такой мужик пропадает!

– Ай! – вскрикнула, когда один эльф куснул меня за ухо.

– Фи, нежные какие! А мир-то не магический. Ни каплюшечки собственной силы.

– Мои подруги – сила притяжения и сила ускорения. Они способны спустить таких зазнаек с небес на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.